

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЕ

«Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: специфика жанра

Выпускная квалификационная работа по направлению

44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:

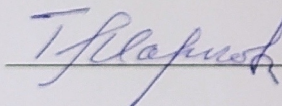
90 % авторского текста

Работа _____ к защите

рекомендована/не рекомендована

«10» декабря 2020г.

зав. кафедрой литературы и методики
обучения литературе

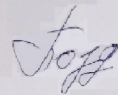
 Маркова Т.Н.

Выполнила:

Студентка группы ЗФ 615-075-6-1

Ражапова Анна Сергеевна

Научный руководитель: кандидат
филологических наук, доцент Поздина
Ирина Васильевна

Челябинск

2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	8
1.1 Публицистический цикл «Дневник писателя» в аспекте издательской стратегии и читательских ожиданий современников....	8
1.2 Структура и проблематика «Дневника писателя» (национально- исторические, политические, эстетические проблемы)	17
ГЛАВА 2. СИНТЕЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ».....	29
2.1 Жанровое взаимодействие в «Дневнике писателя» (малые прозаические, публицистические и ораторские жанры, дневниковые записи).....	29
2.2 Публицистика как жанровая доминанта «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского.....	35
2.3 Специфика художественного повествования «Дневника писателя».....	41
ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К УРОКУ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ В 6 КЛАССЕ	47
3.1 Достоевский в школе	47
3.2 Урок внеклассного чтения «Тема добра и милосердия по рассказу «Мальчик у Христа на елке».....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	64

ВВЕДЕНИЕ

«Дневник писателя» Ф.М. Достоевского – явление исключительное в истории русской литературы.

На исключительность издания обращали внимание многие исследователи. В частности, утверждалось, что «Дневник писателя» уникален как не имеющий «аналогов в истории русской и мировой журналистики» [7], что автор прибег к редкой в мировой практике форме моножурнала.

Уникальность «Дневника писателя» в том, что на протяжении нескольких годов в России выходило повременное издание, которое автор превратил в своеобразную трибуну, с высоты которой общался с народом, обращая его внимание на проблемы, которые волновали лично его. Достоевский преобразовывал попавшие в поле его зрения факты в реальную злобу дня. Актуализация фактов реальной жизни превращала «Дневник писателя» в действительно уникальное издание.

Достоевский соединил в «Дневнике» три принципиальных составляющих: документализм (опору на факты), художественную образность (стремление запечатлеть повседневность в максимально обобщающей эмоциональной форме) и личностный характер повествования, свойственный дневниковым записям.

Тесно переплетенные в тексте «Дневника», эти составляющие придали изданию синкретизм, ту нерасчлененную целостность, которая до сих пор заставляет исследователей искать как жанровое определение «Дневника», так и размышлять над природой этой целостности.

Г.М. Фридендер, один из авторов «Примечаний» к «Дневнику», пишет: «Подходя к «Дневнику писателя» с точки зрения традиционной, школьной поэтики, можно с полным правом отыскать в нем образцы разных, несходных литературных жанров: очерка, фельетона, рассказа, повести, мемуаров, публицистики и так далее. Но подлинная суть «Дневника писателя» состоит не в механическом объединении этих жанров,

а в том, что, используя их в соответствии с общими задачами «Дневника», Достоевский строит на этой основе особый, оригинальный жанр, образующий неповторимое художественное единство» [54].

В чем же своеобразие «Дневника писателя» [37], который не имеет аналогов в истории отечественной журналистики? Что позволяет говорить об актуальности предпринятого исследования?

Исходя из того, что «Дневник писателя» вместе с «Братьями Карамазовыми» являются творческим пиком биографии Ф.М. Достоевского, можно говорить об итоговых ощущениях художника, мыслителя и публициста. Страницы «Дневника» представляют собой собрание размышлений о всемирно-историческом назначении русского народа, о взаимоотношениях церкви и государства, о войне и мире, о вечном противостоянии «отцов и детей», о месте искусства в нравственном воспитании общества. Политические, идеологические, этические, эстетические проблемы переплетаются в «Дневнике писателя» не только на тематико-содержательном уровне, но и на уровне формы, укрепляя идейно-художественное единство издания.

Не менее актуальным является и определение места «Дневника писателя» в творческой биографии Ф.М. Достоевского. К сожалению, до сих пор имеется представление, что Достоевский-художник и Достоевский-публицист – две несоединимые роли писателя: тонкого психолога, глубокого исследователя человеческих душ и субъективно настроенного публициста, поверхностно судящего о современном процессе. Беспристрастный взгляд на «Дневник писателя» позволяет говорить о безусловной значимости как литературы, так и публицистики Ф.М. Достоевского.

В обширной литературе, посвященной творчеству Ф.М. Достоевского, «Дневнику писателя» уделено определенное место. Критики видели в произведении писателя значимость для эпохи, отмечая жанровое своеобразие дневника. Как значимый факт литературной биографии

писателя «Дневник» рассматривают В.Ф. Переверзев, Л. П. Гроссман, К.В. Мочульский, Б.И. Бурсов, Ю.И. Селезнев, Ю.Ф. Карякин и другие [18].

Не меньший интерес вызывает публицистическое наследие Ф.М. Достоевского, анализу которого посвящены обстоятельные труды В.Я. Кирпотина, И.Л. Волгина, В.С. Нечаевой, Г.М. Фридлендера, Л.М. Розенблюм, В.А. Туниманова, Т.В. Захаровой, В.Н. Захарова, Г.К. Щенникова, В.Б. Смирнова и других исследователей [30].

К публицистике Достоевского обращаются и авторы сборников «Достоевский и мировая культура», «Достоевский. Материалы и исследования» и других. Можно выделить работы Г. Гачева, П.Е. Фокина, В.А. Свительского [15].

Так же следует отметить, что время оставляет пространство для дальнейших исследований, посвященных «Дневнику».

Мы можем говорить об *актуальности* предпринятого исследования еще и потому, что современная публицистика, во-первых, тяготеет к очевидной персонификации высказывания в пределах публицистического текста. Публицистика обращает внимание не просто на сообщение как таковое, а на факт, здесь важна не обезличенная оценка, а точка зрения субъекта высказывания, благодаря которой возрастает роль этого субъекта как конкретного автора. В современной публицистике важна именно точка зрения конкретного лица, участвующего в формировании гражданского общества.

Во-вторых, перед нами «дневник» Достоевского – человека, к голосу которого прислушиваются. (Ко времени выхода «Дневника писателя» Достоевского уже знают, как автора «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов» и других произведений). Можно говорить о действенности публицистики Достоевского, на опыте которого отчетливо видим взаимоотношения на уровне «автор – аудитория».

В-третьих, говоря об актуальности исследования, следует отметить, что темы, поднимаемые на страницах «Дневника писателя» Достоевского,

– будь то национальные или общечеловеческие проблемы взаимоотношений поколений, человека и его связи с окружающим миром – не утратили своей актуальности до сих пор. Публицистический текст (как, впрочем, и художественный текст) всегда диалогичен – он строится в расчете на отклик аудитории. Дневник как форма разговора с аудиторией предполагает не только слово-откровение, но и возникновение обратной связи, рожденной этим откровением. Дневниковая форма открывает дорогу эссеистическому повествованию, что заметно ощущается и в характере взаимоотношений Ф.М. Достоевского со своими читателями.

Цель исследования – обобщить и углубить представления о жанровой специфике «Дневника писателя» в аспекте жанрового взаимодействия публицистической доминанты.

Соответственно данной цели в работе были поставлены следующие задачи:

1. Изучить историю публикации «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского.
2. Рассмотреть структуру и проблематику произведения.
3. Проанализировать взаимодействие жанров в «Дневнике писателя».
4. Выявить специфику публицистического и художественного повествования в «Дневнике».
5. Разработать методический материал для урока внеклассного чтения в 6 классе по рассказу «Мальчик у Христа на елке».

Гипотеза исследования: 1. «Дневник писателя» создавался Ф.М. Достоевским с целью коммуникации с читателем-современником. 2. Структура и проблематика «Дневника» отражала важнейшие проблемы того времени. 3. Автор сознательно идет на создание синтетической жанровой формы.

Объектом исследования является «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского, вышедший как самостоятельное издание в 1876-1877 годах, в августе 1880 и январе 1881 года.

Предметом исследования является изучение «Дневника писателя» Достоевского как типа издания, соединившего документальные и литературные формы повествования в их нерасторжимом единстве.

В основу методологии исследования положен структурно-жанровый подход.

Практическое значение. В эпоху интернета тип моножурнала становится все более популярным, поскольку многие авторы могут попробовать себя в такого рода издании, а также общие результаты исследования могут быть использованы на уроках литературы.

Структура выпускной квалификационной работы подчинена логике исследования и включает три главы, введение, заключение, библиографический список.

ГЛАВА 1. «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

1.1 Публицистический цикл «Дневник писателя» в аспекте издательской стратегии и читательских ожиданий современников

Особенности «Дневника писателя» определяются, во-первых, писательской близостью издания традиционному русскому «толстому» журналу, во-вторых, принадлежностью издания к так называемой «дневниковой прозе»; в-третьих, «моножурнальностью» издания; в-четвертых, «писательским» характером текстов, публикуемых в издании.

Со времен карамзинского «Вестника Европы» (1802), проложившего в России дорогу аналогичным изданиям, русский «толстый» журнал выполнял две важнейшие функции – духовно-нравственное просвещение общества и укрепление групповых взглядов и интересов. Так называемое «направление» журнала в отсутствие политических свобод служило поводом для объединения единомышленников вокруг той или иной редакции. История «Современника», «Отечественных записок», «Голоса», «Русского вестника», «Русского богатства», «Мира Божьего» тому подтверждение. «Толстый» журнал в России стал в XIX веке трибуной, с которой звучали голоса самых авторитетных российских мыслителей, философов, экономистов, историков, литераторов, педагогов [31].

Замысел нового издания (одно из первоначальных названий – «Записная книга») Ф.М. Достоевский вынашивает в конце 60-х годов, вскоре после того, как прекратили свое существование журналы «Время» и «Эпоха». Живя за границей в 1867-1871 годах, Ф.М. Достоевский мечтает возвратиться к публицистической деятельности, о чем свидетельствуют его письма.

Из письма С.А. Ивановой, племяннице писателя, переводчице, 29 сентября 1867 года: «Хочу издавать, возвратясь, нечто вроде газеты. Я даже, помнится, Вам говорил это вскользь, но здесь теперь совершенно выяснилась и форма, и цель... А для этого надо быть дома и видеть, и

слышать все своими глазами». [23; с. 223]. Из письма А. Н. Майкову 11 декабря 1868 года: «У меня есть уже два или даже три издания» [23; с. 329]. Существенно признание Достоевского в письме к С.А. Ивановой: «теперь совершенно выяснилась и форма, и цель» будущего издания. До реализации замысла еще девять лет.

В январе 1873 года Ф.М. Достоевский принимает предложение редактировать еженедельник В.П. Мещерского «Гражданин». Один из мотивов – катастрофическое безденежье писателя. Главный – огромное желание иметь собственную трибуну.

Проигрыш очевиден: во-первых, писателю все время приходится лавировать между репутацией «отсталого» издания и собственной репутацией, во-вторых, редакторская работа почти не оставляет времени для творчества. Вот строки из письма М. Погодину от 26 февраля 1873 года: «Вижу, что все время мое занято журналом, что писать я уже не могу больше и прихожу в раскаянье и отчаянье <...> Решительно думается мне иногда, что я сделал большое сумасбродство, взявшись за «Гражданина» [23; с. 262-264].

И это, несмотря на то, что журнал, редактируемый Достоевским, прибавил в тираже.

Не считая редакторства, Ф.М. Достоевский ведет рубрику «Дневник писателя», предвосхитившую будущее самостоятельное издание под тем же названием.

Как пишет К. Мочульский, «создавая в журнале «Гражданин» особый отдел под названием «Дневник писателя», Достоевский осуществляет свою мечту о зарождавшейся форме философско-литературной публицистики. Он создает необычайно свободную, гибкую и лирическую форму, полуисповедь, полудневник» [35].

В первом номере «Гражданина» за 1873 год Достоевский напишет: «Но буду <...> я говорить сам с собой и для собственного удовольствия в форме этого дневника, а там что бы ни вышло. Об чем говорить? Обо всем,

что поразит меня или заставит задуматься. Если же я найду читателя и, Боже сохрани, оппонента, то понимаю, что надо уметь разговаривать и знать с кем и как говорить. Этому постараюсь выучиться» [23; с. 5].

«Дневник писателя» Ф. М. Достоевского оказался неподвластен ни канонам предшественников, ни канонам современников.

Оппоненты и сторонники «Дневника писателя» сходились в одном: они рассматривали его как очередной журнал, способный или не способный конкурировать с уже существующими изданиями.

Пресса обрушивалась на «Дневник писателя» практически по любому поводу.

Автора «Преступления и наказания» и «Записок из Мертвого Дома» называли сумасшедшим, маньяком, отступником, изменником, приглашали даже публику идти на выставку в Академию художеств и посмотреть там портрет Достоевского работы Петрова, как прямое доказательство, что это сумасшедший человек, место которого в доме умалишенных» [17].

Ф.М. Достоевский покидает «Гражданин» и с 1876 года начинает издавать уже самостоятельно «Дневник писателя».

По замечанию фельетониста газеты «Голос» Г.К. Градовского, это была «попытка эмансипироваться от издателя и редакций», потому что Достоевский «настолько оригинален, что не подходит ни под одну из рамок, предоставляемых существующими периодическими изданиями русскому писателю» [46]. Писателю было необходимо выступить лично, не стесняя себя рамками других изданий, и обратиться к аудитории с волнующими его вопросами.

Работа в «Гражданине» обозначила и еще одну проблему, волновавшую Достоевского, – характер его общения с аудиторией – «надо уметь разговаривать и знать, с кем и как говорить» [23; с. 5].

Все это заставляло писателя искать такую форму изложения собственных взглядов, в которой бы образное слово неразрывно соединялось с документальным фактом. Главные темы материалов

«Дневника» за 1873 год – размышления о личной ответственности человека за собственную жизнь, о противостоянии идей христианства и социализма, о кризисе веры в среде современной молодежи. «Дневник писателя» 1873 года как бы в концентрированном виде представляет публике реализацию будущего проекта Достоевского – то же соединение комментариев «по поводу», с воспоминаниями, очерками, рассказами и обзором текущих событий.

22 апреля 1874 года Ф.М. Достоевский, по расстроенному здоровью, вынужден сложить с себя обязанности редактора, не оставляя, впрочем, по возможности, своего постоянного участия в журнале. Отдельные публикации (анонимные), принадлежащие перу Достоевского в «Гражданине», появлялись до конца 70-х годов, но никакой официальной работы писатель в этом издании больше не вел.

Как замечает Л. Гроссман, «из душной атмосферы журнала Мещерского Достоевский вынес одну творческую ценность, которая продолжала служить ему до конца деятельности. Это был новый жанр художественной публицистики – «Дневник писателя» с направленностью на злобу дня, но с правом автора на вольные импровизации по текущим вопросам общественной жизни, на воспоминания, на «рассказы кстати», очерки, впечатления, иногда и глубокие новеллы психологического и философского характера» [19].

Впрочем, сам писатель к подобного рода определениям относился скептически: «Меня зовут психологом; неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» [23]. В.Ф. Переверзев считает, что это утверждение и является «краеугольным камнем всей системы его взглядов, оно определяет и его отношение к созданным им характерам» [37].

«Дневник писателя» появился на свет благодаря желанию Ф.М. Достоевского активно включиться в общественную борьбу 70-х годов. Писателя волнует нравственная сторона происходящего, и именно ей он

стремится дать свою оценку. Пафос всего творчества Достоевского – постижение истины. Отсюда и замысел писателя – дать обществу нравственную точку зрения, единственную им, Достоевским, признаваемую и в которую он искренне верит.

«Дневник писателя» относился к числу подлежащих контролю цензуры органов, его годовой объем составлял около 21 печатных листов, а тираж колебался от 4000 до 6000 экземпляров. Только популярнейший журнал 70-х годов «Отечественные записки» имел больший тираж – более 8000 экземпляров.

Важно заметить, что «Дневник» не дублировал другие издания. Объем его был в 10-15 раз меньше объема толстого журнала. По периодичности он приближался к ежемесячному журналу, по объему – к еженедельной газете, по признаку авторства – к книге. Цена также была намного меньше других изданий – 20 копеек за один выпуск в 1876 году.

Стоит отметить, что события окружающего мира писатель пропускает через свое сознание. Он субъективен в выборе предмета разговора, он субъективен в оценке фактов, но в том и заключается сила дневниковой записи – она позволяет соединить объективно случившееся с индивидуально-неповторимой точкой зрения пишущего.

Следует обратить внимание еще и на тот факт, что, придумывая название – «Дневник писателя», Ф.М. Достоевский не мог не знать о происхождении слова «журнал». Это слово – «journal» – французского происхождения означало «дневник, ежедневник». Заметим сразу, что на «дневниковую» основу журнала автор и делает ставку. С одной стороны, как бы продолжая традицию, а с другой – добавляя к этому и собственный подтекст. Развитие журнальной публицистики и укрепление популярности журналов в обществе в России и за рубежом несомненно привлекли внимание писателя.

«Дневник писателя», по существу своему, оригинальное целостное художественно–публицистическое издание («сочинение» – как называет

его Ф.М. Достоевский), не совпадающее по характеру подачи материалов ни с одним из своих предшественников из числа популярной обоймы изданий XVIII века.

В объявлениях о подписке на «Дневник писателя» Ф.М. Достоевский называет его только как «ежемесячное издание» [23; с.41, с. 223]. В «Объявлении о подписке на 1881 год» автор еще раз считает необходимым подчеркнуть, что это не журнал, а именно Дневник» [23; с. 41].

В обращении «К читателям», помещенном в декабрьском выпуске «Дневника» 1877 года писатель признается: «Я ведь издавал мой листок сколько для других, столько и для себя самого из неудержимой потребности высказаться в наше любопытное и столь характерное время. Если выдам хоть один выпуск, оповещу о том в газетах» [23; с. 126].

Факты, «освещающие все целое» – именно таким видел Достоевский свой «Дневник». Во введении уже говорилось, что традиционно «Дневник писателя» обозначают как моножурнал – издание одного автора, отдаленными предшественниками которого в определенном смысле были моножурналы просветителей XVIII века.

Цель «Дневника» – повести за собой аудиторию, получить отклики, пробудить общественное сознание. В «Дневнике писателя» Достоевского открытое авторское «я», писатель с уже известным именем вместо «масок» издателей. Автор в «Дневнике» открыто полемичен, он говорит с читателем от первого лица, причем его голос слышен отчетливо, а не завуалирован мнением вымышленных персонажей. Ф.М. Достоевскому важно быть услышанным и правильно понятым как можно более широкой аудиторией.

Однако современники Достоевского спорили не только о направленности журнала, но и о его содержательной стороне. Любопытно другое – вопросов о жанре издания практически не возникало. «Дневник писателя» устойчиво назывался журналом, причем такое утверждение является расхожим и по сей день. Недаром применительно к «Дневнику» используется термин «моножурнал». Для такой атрибуции есть некоторые

основания: издание Достоевского выходило раз в месяц, что свойственно большинству русских толстых журналов. Оно имеет печатное оформление, как и большинство похожих изданий. Но внимательное прочтение годовых комплектов «Дневника писателя» позволяет говорить, что перед нами все-таки очень специфический моножурнал.

Мы можем утверждать, что перед нами не просто продолжающееся повременное издание, а единый текст, разбитый на определенные выпуски.

Цикличность «Дневника» обеспечивается не только ссылками на предыдущие публикации издания.

Публицистический цикл предполагает:

- 1) последовательное: из номера в номер развитие определенных идей, тем, образов; самоцитирование;
- 2) наличие сквозных смысловых значений;
- 3) внутреннюю взаимосвязь между отдельными выпусками дневника;
- 4) систему организованного диалога с аудиторией (ответы на письма, ссылки на другие издания, ранее опубликованные тексты и т.д.);
- 5) единые для всех выпусков принципы изложения и оформления материалов (что не исключает их разнообразия).

В «Дневнике писателя» все эти принципы реализованы полно.

То, что К. Мочульский назвал «новой формой философско-литературной публицистики», превращается под пером Ф.М. Достоевского в свободное повествование, скрепленное единым взглядом автора на происходящее.

О чем бы ни размышлял писатель, он постепенно напоминает об основных беспокоящих его моментах, выводящих рассуждения на уровень «вечности»: «свобода», «вера», «страдание», «вина», «человеческое достоинство», «зло», «добро», «правда». Издание представляет собой моновысказывание в единстве его составляющих жанров.

Перед нами активный участник событий, наблюдатель, комментатор, повествователь-публицист и романист в одном лице. Стержнем «Дневника писателя» Достоевского является личность автора. Тот субъект высказывания, которому все принадлежит. В «Дневнике» присутствует и автор как некий образ, как некий носитель определенной идеи, философ, мыслитель, социолог-аналитик, который беспокоится о проблемах современного общества. И автор в своих рассуждениях часто использует в обращении с читателем прием соразмышления, давая возможность последнему самому сделать определенные выводы. «Его манера развивать мысль повсюду одинакова: он развивает ее диалогически, но не в сухом логическом диалоге, а путем сопоставления цельных глубоко индивидуализированных голосов. Даже в своих полемических статьях он, в сущности, не убеждает, а организует голоса, сопрягает смысловые установки, в большинстве случаев в форме некоторого воображаемого диалога. <...> Путь его лежит не от мысли к мысли, а от установки к установке. Мыслить для него - значит вопрошать и слушать, испытывать установки, одни сочетать, другие разоблачать. Нужно подчеркнуть, что в мире Достоевского и согласие сохраняет свой диалогический характер, то есть никогда не приводит к слиянию голосов и правд в единую безличную правду, как это происходит в монологическом мире» [2], – пишет М.М. Бахтин о прозе писателя. Сказанное относится и к публицистике.

Достоевский, как правило, не исчерпывает поднятую им тему публикацией отдельного номера: наращивание проблемы осуществляется продолжением разговора на избранную тему из номера в номер. Или же он возвращается к поднятой теме через какое-то время снова.

Итак, один человек – Ф.М. Достоевский является автором, издателем, редактором «Дневника писателя». В предисловии к изданию обозначено, что это будет отчет о событии, которое заинтересовало автора лично. Что же касается читательской аудитории, то Достоевскому было важно достучаться до сердца каждого, ему было необходимо повести за собой,

направить читающую аудиторию на серьезный длительный многосторонний разговор.

Интерес читающей публики к «Дневнику» был на удивление огромным. Вся совокупность читательских писем за 1876-1877 годы равняется 192. По статистике, приводимой И.Л. Волгиным, корреспонденция за каждый год в численном выражении примерно одинакова: 92 письма за 1876 год; 100 писем за 1877 год (в том числе несколько помеченных 1878 годом, но тематически относящихся к «Дневнику» 1877 года); подписанных писем – 168; анонимных писем – 23 (без подписей, подписанных инициалами, с условными подписями и т.п.); 154 письма принадлежат мужчинам, 38 – женщинам [23].

Несколько десятков писем содержат просьбу о подписке. Иногда к этой просьбе добавляется краткая оценка издания. Другие послания целиком посвящены каким-то конкретным вопросам, в них содержатся отклики на те или иные главы «Дневника».

«Дневник писателя» на 1876 год имел 1982 подписчика, – свидетельствует Н.Н. Страхов, – и кроме того, в розничной продаже каждый номер расходился в 2000-2500 экземплярах. Некоторые номера потребовали 2-го и 3-его издания, например, январский. В 1877 году было около 3000 подписчиков и столько же расходилось в розничной продаже» [44].

«Особость» сочинения Достоевского заключалась не просто в соединении различных жанров (публицистических статей, очерков, фельетонов, «антикритик», мемуаров и художественных произведений (рассказы «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Столетняя», «Приговор», «Сон смешного человека», «Кроткая»,) под одним общим знаменателем – авторским повествованием, а в оригинальном их сопоставлении и несвойственной подаче материала.

«Дневник писателя» создал важный прецедент. Достоевский стоит у истоков чрезвычайно знаменательной отечественной традиции. Создатель

«Дневника» выступал не только как его автор, но и как общественный адресат» [10].

«Дневник» был рассчитан на максимально широкую аудиторию. Понятно, что эта максимальность ограничена рамками так называемой «читающей» публики. «Нужно было жить в России этих смутных годов, чтобы понять влияние, какое он имел... Литературное и артистическое обаяние Тургенева подверглось совершенно несправедливому затмению, философское влияние Толстого действовало только на умы, Достоевский овладел сердцами» [9].

1.2 Структура и проблематика «Дневника» (национально-религиозные, исторические, политические, эстетические проблемы)

Всё содержание «Дневника» можно разделить на четыре части:

- 1) художественные произведения, например, «Маленькие картинки»;
- 2) воспоминания, например, «Нечто личное»;
- 3) литературно-критические статьи, например, «Влас»;
- 4) публицистические произведения.

Рассмотрим художественные произведения «Дневника писателя», которые можно поделить на две группы:

Первая группа – повести, рассказы и очерки;

Вторая группа – воспоминания.

Если рассматривать хронологию написания художественных произведений «Дневника», то их следует расположить в следующем порядке: 1873 год – «Бобок», «Маленькие картинки»; 1876 год – «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Столетняя», «Кроткая»; 1877 год – «Сон смешного человека». В этот список не включены «Маленькие картинки», изданные в 1874 году и «Последняя страничка», изданные в 1874 году, так как в этот период «Дневник писателя» не издавался, следовательно, данные очерки хотя и были включены в «Дневник», но их не рассматривают в качестве произведений «Дневника». Все

художественные произведения, включенные в «Дневник писателя», по утверждению Ф.М. Достоевского, написаны исключительно о действительных событиях.

В «Дневнике писателя», как и в своей прозе, Достоевский обращается к проблемам национально-религиозным, историческим, политическим, эстетическим.

Содержание и своеобразие зрелого публицистического творчества Ф.М. Достоевского комментировалось в науке уже не раз. Особое внимание обращалось на многогранность и жанровый синтез «Дневника писателя», что не противоречит его идейно-художественной ценности, поскольку определяется единством авторского статуса

Несомненно, индивидуально-целостный характер публицистики писателя в семидесятые годы обусловлен и самой важной для него, сквозной и неразрывной проблематикой – национально-религиозной. Национальное начало у Достоевского выход на второй план по отношению к религиозному, которое, в свою очередь, соотносится с нравственным: «При начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее... Исходила же эта нравственная идея из веры... и всегда, как только начиналась новая религия, так тотчас же и создавалась граждански новая национальность. Взгляните на евреев и мусульман: национальность у евреев сложилась только после закона Моисеева, хотя и началась еще из закона Авраамова, а национальности мусульманские явились только после Корана. К концу жизни у Достоевского сложилась своя национальная историософия. На его взгляд, «исповедание полученной религии... объемлет, зиждет и сохраняет организм национальности, и только оно одно».

Логика этих связей оказалась спасительной для писателя: именно она помогла избежать тупиков русского церковного национализма. От нормативной иерархии национального и религиозного он пришел к

пониманию генетических связей этно-конфессиональных традиций. В результате поисков исходных моральных основ как русского православного сознания, так и общечеловеческого стало возможным расширение национально-религиозного мироощущения Достоевского. На их стыке закономерно оформилась и мессианская идея о русском народе-богоносце.

Н.А. Бердяев, разбираясь в русской идее своего любимого автора, в итоге склонился к ее характеристике как грани «универсального», «мирового и сверхнационального сознания, перекликающегося с другими типами подобного мироощущения, заметив, что мессианская «соль» была «получена от еврейского народа» [3].

Свои мессианские представления о русском народе Ф.М. Достоевский ревниво утверждал в связи с рассуждениями о судьбе других наций и народов, а о русском православии поначалу вообще не мог спокойно писать без выпадов против католицизма, ислама и других религий.

Так рядом с русским вопросом в публицистике «Дневника писателя» появились и другие: еврейский, исламский, польский и т.д. Синтез национального и религиозного факторов стал определяющим для их конкретного выражения как комплексов национально-религиозных и культурно-исторических представлений. Это именно комплексы, некие «узлы» национально-религиозной проблематики, отдельно не выраженной. Продолжая традиции отечественной философии, Достоевский, естественно, и русского без православия не мыслил. Национальные и религиозные характеристики у него взаимодополняют друг друга, часто оказываясь равнозначными, поэтому постоянно происходит синонимическая подмена одного понятия другим: еврей – значит иудей, русский – православный, турок или татарин – мусульманин и наоборот. Но всегда при характеристике той или иной народности

отмечается не только своеобразие ее национального взгляда на мир, но и ее взгляд на свою веру.

Характерные особенности национально-религиозного мироощущения и поведения зорко подмечаются во всех случаях, причем, публицистические высказывания и художественные описания часто совпадают. Так, не раз повторяется Достоевским в описании всегдашней «скорбной брезгливости евреев» [52; с. 87]. «Простодушная величавость веры» ислама упоминается в речи о Пушкине. Комплекс представлений о «русскости» тоже включают в себя национальные, религиозные и характерно-психологические и нравственные особенности русского народа. Русское отождествляется с православным, а православие с народным: «все народные начала у нас сплошь вышли из православия» [43; с. 114].

То есть «свое» определяется на тех же основаниях, что и «чужое». Все вопросы: и русский, и еврейский, и исламский, и европейский обсуждаются в «Дневнике писателя» в едином национально-религиозном контексте и являются гранями одного большого «Восточного вопроса». В этом оригинальность автора «Дневника». Ведь одно дело выделять какие-то характерные национально-религиозные комплексы по отдельности, и совсем другое – их синтез, поиск динамических взаимосвязей между ними. Искушение противопоставить «свое» «чужому» в попытках национально-религиозного самоопределения трудно преодолевается. Неприязнь к чему-то чужому не раз подстерегала Ф.М. Достоевского. Однако, в конечном счете, – здесь можно согласиться с Г.С. Померанцем, – он от нее постепенно освобождался.

Органичным итогом размышлений писателя над многими вопросами стала пушкинская речь. Если не исходить из этого итога, боясь упреков в ложной апологии Достоевского, не учитывать его эволюции как мыслителя, можно остаться, подобно Н. Бердяеву, в замкнутом пространстве непримиримых противоречий: «Тот же Достоевский, который

проповедовал всечеловека и призывал к вселенскому духу, проповедовал и самый изуверский национализм, травил поляков и евреев, отрицал за Западом всякие права быть христианским миром» [3]. Н. Бердяев верно отметил напряжение противоречий в мироощущении писателя, но, на наш взгляд, это статическая констатация, не учитывающая их развития и исхода.

Достоевский, прислушиваясь к России, мог быть очень противоречивым и непоследовательным. Но это не значит, что он не органичен и что его зигзагообразный путь лишен направления. Направление позднего Достоевского к частичному освобождению от ксенофобии. Все же, и здесь оказалась некоторая недооценка исканий писателя: «Этот путь оказался незавершенным» [34].

Нам же представляется, что речью о Пушкине с ее главным пафосом всечеловечности и примирения объективно завершилось национально-религиозное самоопределение Достоевского в рамках универсально-синтетической русской идеи. Писатель вырвался в ней за пределы противоречивого сознания и обрел целостность взгляда на национально-религиозную проблематику, ориентируясь на свой идеал, на Пушкина, как на прообраз «всего будущего назначения и всей будущей цели России»: «Он человек древнего мира, он и германец, он и англичанин, глубоко сознающий гений свой, тоску своего стремления, он и поэт Востока. Всем этим народам он сказал и заявил, что русский гений знает их, понял их, соприкоснулся им как родной, что он может перевоплощаться в них во всей полноте, что лишь одному только русскому духу дана всемирность, дано назначение в будущем постигнуть и объединить все многообразие национальностей и снять все противоречия их» [52; с. 199]. Подобный же синтез обнаружил Достоевский в Пушкине как авторе поэтических переложений протестантизма, ислама, иудейства и православия. Пушкинскую способность к всемирной отзывчивости Достоевский признал истинно русской, а его творчество – гениальным воплощением «русской идеи».

Объявив способность Пушкина к синтетическому восприятию одновременно и идеальной и глубоко национальной чертой, Достоевский, тем самым, определил для себя фундаментальные основания для разрешения национально-религиозных проблем. Таким образом, осознавая себя наследником пушкинского идеала, оформившегося у него задолго до произнесения речи, Достоевский естественным путем шел к расширению национально-культурного и религиозно-философского кругозора. Подобно Пушкину, он интересовался и мусульманством, и язычеством, к тому же приобрел живые впечатления от Азии и Европы. В результате у него сложился своеобразный культурно-типологический контекст «русской идеи», позволивший проводить широкие сопоставления и наталкивающий на неожиданные ассоциации. Так, в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год в главе под названием «Утопическое понимание истории» он выдает своего рода функциональное определение «русской идеи»: «Это, действительно и на самом деле, почти братская любовь наша к другим народам... Это примирение наше с их цивилизациями... Это нажитая нами способность в каждой из... европейских личностей открывать и находить заключающуюся в ней истину» [29; с. 47]. Писатель не случайно сделал акцент на словах «действительно и на самом деле». Утверждать так он имел право, опираясь на собственный опыт национального и религиозного общения; на живые впечатления от личности Вл. Соловьева, например, на воспоминания о проявлениях национального религиозного чувства в русском народе; на представления о Пушкине как наиболее ярком и сильном выражении универсального духа, народного мироощущения. Но одновременно Достоевский не мог не признать, что те же самые черты проявились и в Ч. Валиханове, и в докторе-немце Гинденбурге, о котором написала ему еврейская корреспондентка, и в дагестанце-мусульманине Алее. Именно поэтому на первый план выходит не столько исключительный характер «русской идеи», сколько ее соотнесенность с другими. Писателю было важно, что эта идея всемирного назначения, уже

являвшаяся другим народам, стала, наконец, «русской». Не для себя только, не для исключительного национально-религиозного самоутверждения оказывается важна «русская идея»; а, наоборот, «русская личность» утверждается для других, для всего человечества. Отсюда и мотив служения: «станем всем слугами, для всеобщего примирения», окончательного единения человечества. С учетом этого мотива нельзя говорить об апологии «русской идеи» в «Дневнике писателя».

Достоевский. в конечном итоге представил ее осуществление, ее воплощение как христианскую миссию России. Он в числе первых начал говорить о русской самобытности и стал автором концепции «Русский народ – народ богоносец». Достоевский вывел великое предназначение православия, которое он видел в преодолении государства, всякого вообще принуждения, в устройстве человеческой жизни на началах положительной христианской свободы.

Стоит отметить, что, говоря о детях, в контексте религиозного вопроса, автор видит в ребенке непорочный, чистый, ангельский образ, дыхание самого Господа, поднимает тему «трудного детства» во многих своих произведениях.

И в этом смысле такая миссия выглядит, не историческим преимуществом, не национальной заслугой, не профессиональным достоинством, а крестом по силе.

Через «русскую идею» Достоевский выразил идеальный образ России, русской души, отнюдь не закрывая глаза на другой, диаметрально ему противоположный.

Ф.М. Достоевский не сразу обнаружил в собственной «почве» европейские и азиатские корни. Осознание своего «европейства» произошло раньше признания себя «русским азиатом». Отношение к Европе в течение всей жизни менялось [26].

Писатель «разыгрывает» на страницах «Дневника» своеобразный диалог России с Европой, важный и полезный для обеих. Вначале

раскрывается ограниченность позиций каждой из сторон. С русской стороны проявляется много ревности и раздражения, разочарования и нетерпения, с европейской – срабатывают стереотипы этноцентристского толка как сознание своего культурного превосходства, несравненного богатства европейской цивилизации по отношению к другим.

Обида и сознание несправедливого унижения русских европейцами не раз прорывается на страницах «Дневника писателя». Автор возмущается тем, что Европа до сих пор принимает Россию за «отставшую, звериную и непросвещенную» нацию, способную «на низость и глупость затеять в наш век что-то вроде прежних бывших в темные века крестовых походов» [52; с. 196]. Исторические примеры были Достоевскому необходимы, чтобы подчеркнуть европейские предрассудки насчет России, сохраняющиеся не одно столетие. «И в опасении столкнуться с нею в текущей войне, мы всего более боимся, что Европа не поймет нас и по-прежнему, по-всегдашнему, встретит нас высокомерием, презрением и мечом своим, все еще как диких варваров, недостойных говорить перед нею» [52; с. 196]. При всей перекличке со старыми и новыми славянофильско-западническими спорами, конечная позиция Достоевского выглядит здесь достаточно новаторской, как возрождающая и развивающая пушкинскую точку зрения.

Не отрицая в целом целесообразности и продуктивности культурного диалога России с Европой, Достоевский утверждает идею культурно-исторической преемственности России по отношению к Европе. Россия мыслится им как преемница в деле объединения человечества: «Дело европейское, мировое, всечеловеческое – давно уже не постороннее русскому человеку», – восклицает он [13; с. 151]. Но не отвергая самой цели всемирного единения, писатель не принимает европейских средств ее достижения: через католицизм или социализм, или буржуазность, которую он называет «комедией буржуазного единения в Европе» [13; с. 169]. В последней главе «Дневника писателя» за 1877 год он в очередной раз и уже окончательно развенчивает эти европейские основания, последовательно

их разбирая. Так, идея социализма объявляется самой бессильной и последней идеей «из всех идей, единящих человечество» [13; с. 167]. А католичество по-прежнему и настойчиво оценивается как измена христианству: «Католичество воистину уже не христианство и переходит в идолопоклонство, а протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текущее, изменчивое, а не вековечное нравоучение [13; с. 151].

Взгляд на Европу с точки зрения библейской генеалогии и истории, понимаемой как возвращение к ее истокам, привел к тому, что нетерпимое ожесточение в рассуждениях писателя стало исчезать. Признавая Европу быть взаимно готовой к продолжению культурного диалога с Россией, он радуется, когда может отметить «чуткость» Европы, начинающей следить «теперь за русским движением с чрезвычайным вниманием... в ее уважении мы выросли» [29; с. 104]. Эта надежда на европейское уважение к России подтвердится и в последнем выпуске «Дневника писателя»: «Европа...начнет нас уважать!» [27; с. 3 8].

«Русская идея», утверждаемая Достоевским как универсальная в широком азиатско-европейском контексте, должна была пройти испытание «еврейским вопросом». Представление о миссионерском характере России неизбежно должно было привести к столкновению с ним. По мнению писателя, обращенность России к Европе и Азии, ее готовность к диалогу с ними и к выполнению всемирно-исторической задачи объединения человечества вокруг себя, выгодно отличала «русскую идею» от всех остальных выражений миссионерства, и прежде всего, от самого раннего, еврейского. Как мыслитель и художник, во многих своих воззрениях исходивший из Библии, Достоевский очень хорошо помнил, за что был наказан Израиль, - «за грех его перед другими народами, о которых он забыл, которых он не хотел приобщить к своему избранию». По поводу евреев русский писатель должен был высказаться.

По наблюдениям Г.С. Померанца, «освобождение от европофобии у Достоевского оказалось даже прямо связанным с ростом юдофобства... Пороки буржуазной цивилизации, которые в «Зимних заметках» и «Игроке» относились на счет французов, немцев и англичан, в «Дневнике» за 1876 и 1877 годы переносятся на счет евреев» [39]. Это можно объяснить переходом от оппозиции «русские-европейцы» к другой: «русские-евреи». Пожалуй, это самое напряженное противоречие в мировоззрении Ф.М. Достоевского. Отношение писателя к евреям и их вере не было однозначным. Широта его национально-религиозного мироощущения, развивавшегося на основе синтетического восприятия, не позволила впасть ни в русский национализм, ни в антисемитизм, как обвинили Достоевского авторы Краткой Еврейской энциклопедии [36]. И прежде всего, нельзя говорить о слепой ненависти автора «Дневника писателя» к евреям. Напротив, очевидна его осознанная рефлексия, попытки мотивированного отношения к ним. Мотивы же были самыми разными: большей частью они имели идеологический или социально-бытовой характер. Поэтому необходимо дифференцировать, на первый взгляд, антисемитские высказывания писателя, отделять серьезное, глубокое представление о еврейском народе, его религиозной истории и экзистенциальных особенностях от шелухи.

При характеристике «еврейского вопроса», решаемого Достоевским, необходимо учитывать не только его антисемитские выпады, но и те факты положительного отношения к евреям, которые оформляли его заветную идею о всечеловечности и всепримиримости: «... звучат колокола всех церквей, поются молитвы на всех языках. Пастор со слезами говорит свою речь над раскрытой могилой. Раввин стоит в стороне, ждет и, как кончил пастор, сменяет его и говорит свою речь и льет те же слезы. Да ведь в это мгновение почти разрешен хоть бы этот самый «еврейский вопрос!»» [52; с. 92]. И не только еврейский! Святой, идеальный человек соединил

православных русских, протестантов-немцев, евреев-иудеев и поляков-католиков. Достоевский пишет об этом с великим восторгом и надеждой.

Говоря об эстетических проблемах, следует отметить, что эстетический идеал в поэтике Достоевского имеет важное значение. По мнению писателя, без идеала не может существовать ни настоящее искусство, ни достойное общество [26; с. 75]. В эстетической концепции русского писателя можно выявить восходящие к немецкой идеалистической философии (Кант, Шиллер, Гегель) воззрения. Так же, как и немецкие философы, писатель опирался на антропологический принцип, изучающий природу и сущность человека. В концепции Ф.М. Достоевского лидирует мысль о нравственной красоте. Гармония, благоразумие служат лишь внешней оболочкой, когда моральная высота предстает главной в эстетическом идеале Достоевского. К этой красоте, истине устремлено внутреннее содержание, смысл его произведений.

Проанализировав фантастическую «трилогию» русского писателя «Бобок», «Кроткая», «Сон смешного человека», входящих в «Дневник писателя», можно сказать, что в рассказе «Бобок» писатель говорит о нравственном падении человека, превращении его в бесплодное зерно. Такие герои не соотносятся с эстетическим идеалом писателя. В «Кроткой» Достоевский повествует о таком значимом для него христианском качестве, как кротость, которое соотносится с его идеалом. Однако образ героини структурно двойственный: в нем объединяются два типа человеческого поведения: гордый и кроткий. Первый возвышающий, второй – принижающий нравственное содержание личности. Такое сочетание обеспечивает смысловую двузначность образа. Из текста видно, что красота состоит в любви к ближнему. Проявление той самой истины обнаруживается и в «Сне смешного человека», в котором было преодолено столь мучительное противоречие между единичным и общим, между положительно прекрасным человеком и обществом [47].

В конечном итоге, в его творчестве оформился идеал единой нравственной почвы, общего духовного истока, откуда пошло человечество и куда необходимо вернуться обогащенной каждой «национальной личности», чтобы спастись. И тогда «человечество... как великое и великолепное древо осенит собою счастливую землю!» [45].

Не случайно идеалом всечеловеческой устремленности, символом грядущей счастливой жизни человечества на Земле стал мифопоэтический, близкий художественному сознанию автора «Дневника писателя», универсальный для всех национальных культурных традиций и мировых религий, образ сада под золотым солнцем.

ГЛАВА 2. СИНТЕЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»

2.1 Жанровое взаимодействие в «Дневнике писателя» (малые прозаические, публицистические и ораторские жанры, дневниковые записи) и проблема циклизации

Учитывая писательские стратегии своей нацеленностью на диалог с читателем, о чем мы уже говорили в параграфе 1.1, Ф.М. Достоевский ищет наиболее адекватную форму общения с народом. Такой формой становится жанровый диалог и жанровое взаимодействие.

Предмет, функция, метод, форма и содержание – часть любого жанра, его несущие конструкции. Они тесно связаны между собой в пределах одного жанра, но при этом не служат строгими стражами межжанровых границ.

В свое время В.В. Ученова писала о диффузии жанров, о размывании жанровых границ, о взаимообогащении жанров, усматривая в этом естественный процесс эволюции традиционных жанровых форм: «Осознавая и творчески осваивая процесс развития жанров, важно не терять из виду, что за внешне наглядными метаморфозами жанров происходит многомерное сочетание, пересечение и взаимодействие методов журналистского познания, репортерского поиска, приемов исследования, и именно в этих, спрятанных в глубине строки, взаимодействиях обнаруживаются многие «секреты» эволюции традиционных жанровых форм» [51].

Об этом приходится вспоминать, обращаясь к «Дневнику писателя». Сочиняя «Дневник», писатель за несколько лет придумал издание, представляющее собой публицистический цикл, включающий в себя различные жанры. Целостность «Дневника» можно, таким образом, рассматривать на двух уровнях: уровне метажанра, в качестве которого выступает цикл как система разножанровых текстов, объединенных

авторской точкой зрения, пространственно-временными координатами, форматом и структурной организацией содержательных компонентов публикации; а также – на уровне жанров, входящих в этот цикл.

Следует признать, что применительно к «Дневнику писателя» термин «цикл» уже звучал. В частности, П.Е. Фокин, рассматривая деятельность Ф.М. Достоевского как литературного критика, обратил внимание на публикации «Дневника», посвященные разговору о творчестве писателей, обозначил этим термином материалы: «Культурные типики. Повредившиеся люди» (1876, IV), «Несколько слов о Жорже Занде» (VI, 1876), «Один из неизвестных великих русских людей» (1877, II), разговор о VIII-й части «Анны Карениной» (VII-VIII, 1877), размышления о творчестве Некрасова (XII, 1877) [53].

В «Дневнике писателя» можно проследить и другие тематические циклы – цикл материалов, посвященных взаимоотношениям «отцов» и «детей»; восточному вопросу; цикл судебных очерков; цикл, посвященный образованию и так далее.

Г.М. Фридлиндер обращает внимание на «центробежность» и «центростремительность» «Дневника»: «Автор все время скользит от одной злободневной темы к другой, и переход к каждой из них влечет за собой поток новых воспоминаний и ассоциаций, приводит с собой новые эпизоды и новых действующих лиц, подсказывает новые аспекты осмысления событий» [23; с. 280].

Исследователь подметил существенное: связность циклу придает соединенность отдельных частей как по горизонтали – от номера к номеру развитие определенной темы и характер самого повествования, так и по вертикали – внутри одного выпуска.

Принцип соотношения разных стилистических манер повествования, определяющих взаимосвязь отдельных циклов, станет определяющим в «Дневнике писателя». Этот прием позволит писателю, во-первых, сохранить для читателя ощущение единства продолжающихся

циклов, а во-вторых, даст возможность в определенной степени воспринимать каждый выпуск «Дневника» как единый цикл.

Преимущественно двуглавые ежемесячные выпуски «Дневника» выстроены четко: в пределах каждой главы очевидно прослеживается смысловое тематическое ядро и своеобразные публицистические «мостики», позволяющие переходить от одной главы к другой. При этом следует подчеркнуть, Достоевский достаточно последовательно конспирирует «заданность» повествования: писателю важно сохранить «дневниковость» разговора с аудиторией – внешне текст выстраивается по законам ассоциативного письма – одно понятие вызывает воспоминание о другом. Перед читателем предстает как бы сам процесс создания дневниковой записи.

Переход от действительности к фантазии Достоевский выражает в форме доверчивого признания – дневник предполагает исповедальную откровенность в разговоре с самим собой и с читателем. Уже в первом выпуске «Дневника» писатель допускает возможность появления сочиненных «историй». Кавычки, обрамляющие слово «история», как бы соединяют правду и вымысел, разрушая границу между этими понятиями.

Характерная особенность повествования в «Дневнике» – вкрапление в повествование «анекдотцев», частных историй далекого и недавнего прошлого, а также дней нынешних, укрупняющих, по мысли Достоевского, фактическую базу повествования.

Благодаря такой структуре повествования текст «Дневника» приобретает все признаки публицистического обзора: во-первых, налицо панорамное изображение действительности, а во-вторых, возникает определенная глубина резкости – крупный план (отдельные эпизоды), средний план (статистические сведения, цитаты и пр.), общий план (обобщенные картины действительности).

Говоре о дневнике, как о литературном жанре, следует отметить, что жанр «дневник» представляет собой, во-первых, литературный текст,

создаваемый намеренно как дневник, и, во-вторых, дневник, который пишется для себя и литературным текстом не является.

Многочисленные дневники писателей всегда представляют историко-литературный интерес, но не всегда приобретают значение самостоятельного литературного произведения. Дневник может сближаться по своей функции с записными книжками писателя, которые или заменяют ему дневник, или ведутся наравне с дневником. Историко-литературное значение приобретают дневники реальных лиц, близких к писателям и литературной среде. Искренность и документальность нередко придают литературно-художественный интерес дневникам, которые велись реальными людьми «для себя». Появление в 70-х гг. XIX в. «Дневника писателя» (1877) Ф.М. Достоевского, регулярно издаваемого автором, куда включались законченные публицистические и художественные произведения, подтверждает, что вполне сложилась и стала общепризнанной форма литературного произведения, обладающая необычайно широкими композиционными и жанровыми возможностями.

Одной из главных особенностей дневника как жанровой формы является свободная повествовательная структура. Характер повествования Ф. М. Достоевского, его «тон» зависит от того, каким образом излагаются события, характеристики, факты – констатируются ли при этом и оцениваются; кому – персонажу или повествователю – принадлежит оценка; каков повествователь (рассказчик); каковы взаимоотношения повествователя и автора. Все это создает определенную эмоциональную атмосферу, в которой воспринимается произведение. Тип повествования существенным образом определяет особенности индивидуального стиля писателя. В повествовании выделяется описание, рассказ о событиях (иногда повествованием называют только его), рассуждение. Взаимоотношения рассказчика и автора, голосов персонажей и автора по-разному проявляются в каждом из элементов.

Явным отличием «Дневника» от литературного текста можно считать свободную, часто сбивчивую в стилистическом и семантическом плане манеру письма. Художественные произведения выверены автором. Личные же записи – непосредственны [40].

По мнению Л.А. Артамоновой, «Дневник писателя» приобретает уникальную жанровую специфику. Сосуществование в рамках одного замысла элементов журнала и элементов дневника определяет сложную, нетрадиционную жанровую природу произведения. «Дневник» может быть определен как метажанр, своеобразный «микрокосм» [1], «цельный синтезированный опыт» [32; с. 239]. Многообразие различных жанровых образований (статьи, очерки, воспоминания, записи дневникового характера, рассказы) способствует свободе выражения авторского сознания на страницах произведения. Характер целостности «Дневника» может быть определен как внутренний, личностный, обусловленный незаданностью авторского «я». Поэтому Достоевскому удастся сопрягать в рамках своего издания жизненно-реальное и художественно-условное, статьи и рассказы, подробности текущего и философские обобщения. Дневниковая, документальная основа, ориентированная на отображение реальной действительности, соединялась с творческой рефлексией, с поиском истины в самой жизни, а также с художественной обобщенностью благодаря единому авторскому сознанию. В результате этого «синтезированного опыта» рождалась уникальная целостность «Дневника писателя», которая не исчерпывается простой констатацией входящих в него жанров и тем.

Признание целостности «Дневника» ведет к раскрытию его смысла как самостоятельного творческого акта художника, как «поступка» [12; с. 370] Достоевского. Несомненно, что «Дневник» являлся не только «творческой лабораторией писателя», а обладал самостоятельным значением. Если подойти к нему не как сумме мыслей, взглядов, фрагментов на свободные темы, а как к концептуальной целостности,

тематическому и жанровому единству, «синтезированному опыту», то становится очевидным, что Достоевский видел в нем осуществление определенной идеи, задачи, программы.

Пограничная жанровая природа «Дневника» с ее незаданностью и принципиальной открытостью для различных жанровых образований позволила создать Ф.М. Достоевскому уникальный феномен – произведение, выходящее за рамки как литературно-художественной, как и документально-дневниковой формы реализации творческого замысла.

«Дневник писателя», являясь, как бы, обобщением всего того, что было сделано Ф. М. Достоевским на протяжении всего его творческого пути, соединил в себе и те жанровые формы, к которым писатель прибегал в своих произведениях: письма в таких произведениях, как «Бедные люди», «Роман в девяти письмах», записки в рассказе «Честный вор», имеющем подзаголовок «Из записок неизвестного», тот же подзаголовок имеет и повесть «Елка и свадьба» и так далее. Это касается и исповеди, жанра, поэтика которого складывалась в монологах героев Ф. М. Достоевского. Очень многие герои Ф. М. Достоевского выступают или авторами исповедей, или рассказчиками «за автора».

При доминировании личностного начала в итоговом произведении писателя, он не сводил все материалы «Дневника» к субъективному восприятию, пытаясь дать возможность читателю сформировать свою точку зрения по той или иной проблеме. Он понимал, что адресат его произведения – многочисленная читательская аудитория, которая может иметь сотни, тысячи мнений. Для Ф.М. Достоевского важно было активизировать читателя, дать ему почву для размышлений. Однако нужно было выбрать удобную и ему самому, и читателю форму изложения своих мыслей, размышлений. Поэтому писатель и предпочел форму дневника, подсознательно воспринимающуюся читателем, как нечто личное, сокровенное.

Писатель чувствовал общество, его настроение, осознавал потребности русского народа и стремился их удовлетворить. Поэтому для Ф. М. Достоевского важно было систематизировать все свои размышления, проанализировать общественную ситуацию, выразить свои мысли не в личном дневнике, а в произведении, которое бы стало достоянием общности. Его целью было не только постичь самого себя, путем обращения к тем проблемам, которые так волновали писателя, он стремился к тому, чтобы общество постигло эти проблемы через призму взглядов Ф.М. Достоевского. Он не столько пытался формировать мнение общества, сколько хотел «разговаривать» с ним, чтобы читательская аудитория осмыслила исторический процесс, пропустила его через себя, почувствовала себя частью истории, что вело не только к поискам личностной цельности, но и становлению исторического сознания. И это стало возможным посредством «Дневника писателя» (с его исповедальной интонацией). Здесь, как когда-то через фельетон, Ф. М. Достоевский разговаривал со своим читателем.

2.2 Публицистика как жанровая доминанта «Дневника писателя»

В своей статье «Дневник писателя» как оригинальное жанровое явление» Т.В. Захарова пишет: «Все отмечают фельетонность «Дневника писателя» и его генетическую связь с фельетоном Достоевского, подчеркивая при этом перерастание фельетонного начала в более универсальный жанровый контекст» [26].

Т.В. Захарова обращает внимание на то, что границы между жанрами в пределах «Дневника писателя» выглядят размытыми. Все это вполне укладывается в обещание, данное Достоевским, в объявлении о выпуске нового издания: «Из 12 выпусков составит целое, книга, написанная одним пером» [23; с. 136].

Обратимся в этой связи к майскому выпуску «Дневника» за 1876 год.

Выпуск традиционно состоит из двух глав. Первая, состоящая из четырех частей, посвящена делу А.В. Каировой. По существу, это судебный очерк. Отставной флотский офицер, поручик В.А. Великанов, антрепренер театральной труппы в Оренбурге, в которую входила его жена, весной 1875 года обанкротился и заехал в Петербург вместе со своей любовницей, также актрисой труппы А.В. Каировой. Великанова, перебравшись в Петербург, объявила мужу, что не желает с ним расставаться. Каирова, первоначально было согласилась оставить Великанова, но в ночь с 7-го на 8-е июля тайком приехала на дачу, где жили Великановы и полоснула свою соперницу по горлу. Рана оказалась несмертельной. Каирову судили, но суд присяжных оправдал ее.

Вторая глава выпуска, состоящая из трех частей, отдана корреспонденции о посещении автором Воспитательного дома в Петербурге; комментарий к письму самоубийцы, опубликованному в «Новом времени» и ответ писателя читателю «Дневника» относительно идеи всеобщего согласия, которое потихоньку пробивает себе дорогу в русском обществе.

Первая часть первой главы открывается письмом, полученным Достоевским. Читатель спрашивает, будет ли писатель откликаться на дело Каировой? Его беспокоит, что оправдательный приговор, вынесенный женщине, покушавшейся, на убийство, был встречен в зале суда аплодисментами. «Рукоплещут дамы! Рукоплещут жены, матери! Да им не рукоплескать, им плакать надо, но при таком поругании идеала женщины...» [23; с. 5], – пишет автор письма.

Достоевский в этом письме увидел не только актуальную для русского общества тему места женщины в современной жизни, не только положительную роль, которую играет в России недавно созданный суд присяжных, но, прежде всего, доказательство того, что провинция просыпается (письмо пришло оттуда): «Наша провинция решительно хочет жить своеобразно и чуть ли не эмансипироваться от столиц совсем» [23; с.

б]. «Новые голоса в старом русском хоре», – замечает писатель, – «...полезны и уж во всяком случае любопытны» [23; с. 6]. Для Достоевского, уповавшего на рост национального самосознания, на пробуждение чувства ответственности каждого за собственную мысль, письмо читателя – важное доказательство правильности его идей.

На этом и строится разбор писателем дела Каировой. Тут следует обратить внимание на важный момент: события, о которых идет речь в майском номере «Дневника», происходили несколько месяцев назад, суд вынес свой приговор. Пресса об этом писала. Стоит ли к теме возвращаться? По Достоевскому – стоит.

«Зло надо было все-таки назвать злом, несмотря ни на какую гуманность», [23; с. 9] – замечает писатель. Но «дело не в наказании». Дело в тех чувствах, что пережили все участники процесса и, прежде всего, Великанова. А самое главное – каковы моральные уроки дела?

«Трибуны наших новых судов – это решительно нравственная школа для нашего общества и народа. Ведь народ учится в этой школе правде и нравственности: как же относиться хладнокровно к тому, что раздается подчас с этих трибун?» [23; с. 15].

Вопрос для Достоевского не трудный – писатель ищет ответ на коренные вопросы, его волнующие, не в банальных объяснениях, а в сущностных мотивах поведения каждого человека. Сожалея о Каировой («я просто рад, что ее отпустили, и не рад лишь тому, что ее оправдали» [23; с. 8]) и сочувствуя Великановой («Она вынесла несколько минут...смертного страху» [23; с. 18]), Достоевский обращает внимание, прежде всего, на нравственную сторону дела: «Ложь и фальшь, вот что со всех сторон, и вот что иногда несносно» [23; с. 20].

Словами этими открывается вторая глава «Дневника». Они явно связывают воедино все повествование. Корреспонденция о посещении Воспитательного дома не случайна в майском выпуске «Дневника». При посещении дома, куда отдают «вышвырков» – детей-сирот или тех, от кого

отказываются матери, писателя больше всего поразило не образцовый порядок, чистота и продуманность до мелочей ухода за младенцами, а маленькая деталь: «Вон я вижу эта баба, эта грубая кормилица, это «нанятое молоко» вдруг поцеловала ребенка, – этого-то ребенка, вышвырка-то!» Я и не думал, что здесь кормилицы целуют этих ребят; да ведь за этим только, чтоб это увидеть, стоило бы сюда съездить! А она поцеловала и не заметила, и не видела, что я смотрел. За деньги, что ли, они их любят? Их нанимают, чтобы ребят кормить, и не требуют, чтоб целовали» [23; с. 26].

Так начинает выстраиваться соединительная цепочка: Каирова, озабоченная только личной судьбой; кормилица, ласкающая чужого малыша в силу врожденного материнского инстинкта; некая Писарева, акушерка, озлобившаяся на белый свет и потому решившая уйти из жизни (о ней говорится в главке «Одна несоответствующая идея»).

Выясняется, что майский выпуск «Дневника» скреплен размышлениями писателя о существовании самой жизни, в которой Достоевский пытается обнаружить некое оптимистическое начало: жизнь – «это не одни только наемные груди, заменившие груди матерей, это материнство, это та «живая жизнь», от которой так устала Писарева. Да правда ли, что русская земля перестает на себе держать русских людей? Отчего же жизнь рядом, тут же, бьет таким горячим ключом?» [23; с. 23].

Как известно, для обозрения важен не сочетание фактов, не их механическое соединение, а сложное взаимоотношение, помогающее понять замысел автора.

Таким образом, факт в публицистическом обозрении уже сам по себе выполняет не только познавательную, но и оценочную функцию. При этом, следует признать, факты, лично наблюдаемые публицистом и факты вторичного использования, имеют равное значение. Это тем более следует учитывать в журнальном обозрении, поскольку периодичность издания диктует необходимость обращаться не только к фактам оперативным, но и ранее оказавшимся в поле зрения общественности.

Выявлению закономерности развития процессов, протекающих в обществе, способствует протяженность фактов во времени и пространстве, и Достоевский использует это жанровое преимущество обозрения: временные координаты описываемых фактов раздвинуты на несколько лет, это относится и к пространственным характеристикам сообщаемых фактов.

В центре внимания публициста может оказаться социальное явление (Достоевский в «Дневнике» большое место отводит проблемам русского общества, проблемам веры), характеры (духовное развитие частного человека), события (русско-турецкая война 1876-1877г.г.).

Следует отметить, что Достоевский, выстраивая каждый выпуск «Дневника» как отклик на актуальную проблему дня, стремится придать этому отклику максимально занимательный характер. Эту занимательность нетрудно обнаружить и в структуре повествования, и в характере повествования – то эпически-спокойном, то саркастическом, то пафосно-лирическом.

Но, естественно, главной частью этой занимательности является авторский комментарий происходящего: Достоевский не дает свою точку зрения как каноническую, он подводит читателя к нужному ему выводу постепенно. Писатель может поспорить с воображаемым собеседником, может открыто возразить реальной иной точке зрения.

Стремясь активизировать внимание читателя, Достоевский нередко прибегает к открытым диалогическим формам повествования. Так, в апрельском номере «Дневника» за 1876 год появляется Парадоксалист – вымышленный персонаж, позволяющий автору обострить постановку вопроса. Парадоксальные утверждения обнажают диалектическую природу всего происходящего, показывают противоречивый характер процессов, протекающих в мире. Не лишним будет вспомнить, что Парадоксалист появился впервые в «Записках из подполья» (1864), что лишний раз подтверждает неразрывную связь художественного и публицистического начал в творчестве Достоевского.

Достоевский широко использует литературные образы (тут и Байрон упоминается, и лермонтовский «Маскарад», и пушкинский «Медный всадник»), спорит с толкованием Евангелия защитником, вспоминает Дарвина, словом, предлагает читателю не только живой комментарий к приговору суда по делу Каировой, но и зовет аудиторию к осмыслению более значительной проблемы – проблемы состояния общества, в котором жизнь человека не дорого стоит, и стоящей рядом с ней проблемы личной ответственности человека за свои поступки.

Достоевский склонен искренне видеть в желаемом действительное. Он не был писателем утопистом, но, заглядывая в бездну человеческой души, как в старой легенде, видел на дне ящика Пандоры, выпустившей в мир разнообразные пороки, надежду.

Доверяя человеку, писатель хотел видеть его счастье, созданное собственным трудом.

Исследователи давно обратили внимание на то, что жанрово-стилистическая пестрота «Дневника» отчетливо связана с поисками объединяющей все разнородные тексты идеи. Завершая выпуски 1876 года, Ф.М. Достоевский писал: «Главная цель «Дневника» пока состояла в том, чтобы по возможности разъяснить идею о нашей национальной духовной самостоятельности и указывать ее, по возможности, в текущих представляющих фактах» [23; с. 61].

Политическая публицистика в 1877 году выходит на первый план, художественное описание происходящего отступает на второй план. Как замечает В.А. Туниманов, «строже становится «форма» – материалы и рассуждения прямо соотносятся с ведущей идеей, беспелляционнее высказывания автора» [50]. Автор выступает в «Дневнике» центральной фигурой повествования.

Связано это, прежде всего, с обострением международной обстановки на ближайших рубежах Российской империи. Злобой дня становятся события на Балканах. Еще одна болевая проблема

Достоевского-публициста – исторический путь развития России. Экономические преобразования ориентируют страну на развитие капиталистических отношений. А капитализация производства неминуемо сказывается на духовных сторонах развития русского общества в целом и конкретной личности в частности.

Беспокойство рождает сосредоточенность. Достоевский озабоченно размышляет о миссионерском будущем России и о степени ее готовности к этой миссии.

2.3 Специфика художественного повествования «Дневника писателя»

Особое место в исследовании жанровой природы «Дневника писателя» занимают включенные в общий повествовательный текст художественные произведения. Беллетризация повествования – один из приемов публицистического письма, один из принципов анализа реальной действительности. Уровень беллетризации публицистического текста различен: автор волен ввести в любой жанр элементы художественной выразительности, используя для этой цели как композиционные, так и лексико-стилистические приемы. Массовость использования этих приемов различна – максимальна в очерке и фельетоне, минимальна в заметке. Создавая публицистический образ, автор, опираясь на синкретическое единство логико-понятийных и эмоционально-экспрессивных средств, широко использует детали и подробности при описании событий, речь действующих лиц, разнообразные маски, различного рода отступления.

Создавая «Дневник», Достоевский включает в документальное повествование художественные тексты. Чисто художественных произведений в «Дневнике» немного – «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Столетняя», «Кроткая», «Сон смешного человека».

Значимость этих текстов в том, что, вводя в повествование художественный вымысел, Достоевский тем самым уравнивает значимость

образного и документального способов познания мира. Знаменитая мысль молодого писателя о человеке-тайне, человеке-загадке, которую следует разгадать, логично реализуется на страницах «Дневника»: человек – это не только Мужик Марей, но и Каирова, Корнилова и все другие действующие лица, включая многочисленных читателей «Дневника».

И еще одно обстоятельство заставляет говорить о жанровой необходимости названных рассказов в тексте «Дневника писателя». Исходя из того, что каждый выпуск представляет собой специфический вариант обозрения, то нетрудно увидеть, что рассказам, включенным в общий текст, отводится роль особых знаковых единиц. Л. Гроссман, говоря о «Кроткой», назвал рассказ «художественным комментарием» [19]. Беллетризация реальности (как вариант – виртуализация реальности) в контексте с документальным изложением фактов укрупняет происходящее, выявляет его типические стороны, придает реальной проблеме нужный эстетический значимый объем.

В этом можно убедиться, обратившись к рассказу «Кроткая», опубликованному в ноябрьском выпуске «Дневника» за 1876 год.

Выпуск открывается авторским предисловием: «Я прошу извинения у моих читателей, что на сей раз вместо «Дневника» в обычной его форме даю лишь повесть. Но я действительно занят был этой повестью большую часть месяца. Во всяком случае прошу снисхождения читателей.

Теперь о самом рассказе. Я озаглавил его «фантастическим», тогда как считаю его сам в высшей степени реальным. Но фантастическое тут есть действительно, и именно в самой форме рассказа, что и нахожу нужным пояснить предварительно» [23; с. 5].

Уже говорилось об антропологической сущности «Дневника» – о стремлении Достоевского, рассказывающего о событиях и проблемах окружающей его действительности, искать суть происходящего, его первопричину в «глубинах души человеческой», в безднах сознания личности, в ее подполье. Достоевский менее всего склонен обвинять

«среду» в том, что происходит с человеком (хотя и не исключает полностью ее влияния) – для него принципиальным становится вопрос об ответственности каждого за все содеянное им. Позже эта мысль получит развитие в творчестве А.П. Чехова.

Форма художественного повествования позволяет найти оптимальный способ решения этой задачи. В этом смысле «Кроткая» является естественной составляющей той темы – темы самоубийств, прокатившихся по России в эти годы. Достоевский постоянно возвращается к этой теме: писателя волнуют не только социальные мотивы, побуждающие людей добровольно уходить из жизни, но и метафизика происходящего – какие внутренние импульсы лежат в основе этих поступков.

Исследователи считают, что конкретными поводами для обращения к этой теме послужили самоубийства дочери Герцена Лизы (о котором

Достоевский узнал от К.П. Победоносцева) и швеи Марьи Борисовой, выбросившейся из мансарды четырехэтажного дома в Петербурге.

Больше всего Достоевского поразило тот факт, что, как писало «Новое время», Борисова выбросилась из окна, держа в руках образ Божией Матери. Оба эти факта были занесены писателем в тетрадь с подготовительными материалами для будущих произведений.

В октябрьском выпуске «Дневника» Достоевский размышляет о случившемся (главка «Два самоубийства»). Сопоставляя два этих самоубийства, писатель замечает, что «дочь одного слишком известного русского эмигранта», «русская по крови, но <...> уже совсем не русская <...> по воспитанию» [23, с. 145] в предсмертной записке бросила вызов окружающим ее людям: «Предпринимаю длинное путешествие. Если самоубийство не удастся, то пусть соберутся все отпраздновать мое воскресенье из мертвых с бокалами Клико. А если удастся, то я прошу только, чтоб схоронили меня, вполне убедившись, что я мертвая, потому

что совсем неприятно проснуться в гробу под землею. Очень даже не шикарно выйдет» (там же) – перевод с французского.

«В этом гадком, грубом шике, по-моему, слышится вызов, может быть негодование, злоба, но на что же? Просто грубые натуры истребляют себя самоубийством лишь от материальной, видимой, внешней причины, а по тону записки видно, что у нее не могло быть такой причины» [23; с. 145], – пишет Достоевский.

И совсем иначе писатель откликается на гибель Борисовой: «Этот образ в руках – странная и неслыханная еще в самоубийстве черта! Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство. Тут даже, видимо, не было шикарного ропота или попрека: просто - стало нельзя жить, «Бог не захотел» и умерла, помолившись <...> Эта кроткая, истребившая себя душа невольно мучает мысль» [23; с. 146].

Так зарождается замысел рассказа, и заглавие ему уже намечено – «Кроткая».

Показательно и другое: главка «два самоубийства» начинается с реплики «одного из наших писателей», автора сатирического очерка о «современных Молчалиных». Собеседник говорит: «...что бы вы ни написали, что бы ни вывели, что бы ни отметили в художественном произведении, - никогда вы не сравняетесь с действительностью. И что бы вы ни изобразили – все выйдет слабее, чем в действительности. Действительность тотчас же представит вам в этом же роде такой фазис, какой вы и еще и не предлагали и превышающий все, что могло создать ваше собственное наблюдение и воображение» [23; с. 144].

«...чтоб создавать и писать художественные произведения, но и чтоб заметить факт, нужно тоже в своем роде художника» (там же).

Эти слова проливают дополнительный свет на появление в «Дневнике» среди публицистических текстов художественных произведений. «Нам знакомо одно лишь насущное видимо - текущее, да и то понаглядке, а концы и начала - это все еще пока для человека

фантастическое» [23; с. 145], – добавляет писатель. Не случайно у «Кроткой» есть подзаголовок – «фантастический рассказ» и не случайно декабрьский выпуск «Дневника» открывается возвращением к истории Катерины Корниловой, «несчастной преступницы», по словам Достоевского, которая в злобе на мужа выбросила из окна свою шестилетнюю падчерицу (Достоевский писал об этом в октябрьском выпуске «Дневника»).

Так формируется в «Дневнике» мысль о трагедии человеческой души, сжигающей себя в страданиях и не находящей из этих страданий выхода.

Художественная проза, включенная в «Дневник», дополняет анализ картины мира, созданной Достоевским. И если система художественных образов – это в максимальной степени объективная картина действительности, то в сугубо публицистических текстах мы имеем дело с демонстративно субъективным ее анализом. Достоевский-художник смыкается здесь с Достоевским-проповедником.

Ноябрьский номер «Дневника» сменяется размышлениями автора о социальных предпосылках самоубийств, прокатившихся волной по России. Этому посвящен почти весь декабрьский выпуск. Главное здесь – жизнь души. Четкий замысел Достоевского: внутренняя опустошенность человека, его неготовность самостоятельно контролировать работу собственной души. Эта неготовность порождена изначальной заброшенностью молодого поколения, безразличием к нему «отцов».

«Наша молодежь, – пишет Достоевский, – так поставлена, что решительно иногда не находит никаких указаний на высший смысл жизни» [23; с. 51].

Произнеся эту чисто утопическую тираду о готовности молодых воспринимать опыт старших и ждать от них указаний на высший смысл жизни, Достоевский тут же утверждает, что те, кто вышел шестого декабря на Казанскую площадь (речь идет о демонстрации в Петербурге,

устроенной революционной организацией «Земля и воля»), всего лишь «стадо» в руках каких-то хитрых мошенников.

Значит, дело не только в отсутствии пастырей, ведущих к «высшей цели». По Достоевскому все дело в отсутствии неустанной нравственной работы каждого, породившем цинизм, невежество, безверие, прямолинейность суждений.

«Для меня же лично, – пишет Достоевский, – одно из самых ужасных опасений за наше будущее и даже за ближайшее будущее, состоит именно в том, что, на мой взгляд, весьма уже, в слишком уже большей части интеллигентного слоя русского <...> все более и более и с чрезвычайною прогрессивною быстротой укореняется совершенное неверие в свою душу и в бессмертие» [23; с. 47].

Мысль эта является основной, соединяя отдельные части «Дневника» в целое – обозрение нравов. Как и положено жанру публицистического обозрения, мысль здесь рождается из совокупности фактов, а не по своеволию автора-комментатора. Факты, лично наблюдаемые, и факты, почерпнутые из других источников, взятые в их единстве, создают многоуровневую картину мира.

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К УРОКУ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ В 6 КЛАССЕ

3.1 Достоевский в школе

Без изучения произведений Ф. М. Достоевского трудно представить себе современные школьные программы. Но так было не всегда. На протяжении XX века изучение творчества этого писателя то вводилось в программы, то исключалось, то снова вводилось.

Официальное марксистско-ленинское литературоведение советской эпохи довольно прохладно относилось к писателю и его произведениям, так как они не вписывались в его жёсткие рамки. Но как бы там ни было, а статья о творчестве писателя впервые появилась в учебнике литературы для школьников в 1935 году (это, кстати, был 1-й школьный советский учебник литературы). Что было в этой статье, нам неизвестно: не пришлось даже листать – не то что читать этот учебник. Предположительно – общий обзор творчества, краткий, конечно. А до года 1935 не редки были случаи абсолютного отрицания значимости творческого наследия писателя.

Ф.М. Достоевского исключили из списка изучаемых в школе писателей во 2-м школьном учебнике литературы Страны Советов, издававшемся незадолго до начала Второй мировой и Великой Отечественной войн, в 1938-1940 годах. Мало того, почти на пару десятилетий Достоевский не только исчез из школьных программ, но и в ВУЗах перестали изучать его творчество.

Реабилитация писателя и его творчества произошла без малого через 20 лет, в начале 2-й половины 50-х годов и не без влияния его огромной популярности среди западноевропейских и американских (США) читателей. Вот тогда-то творчество Фёдора Михайловича и было возвращено в программы и учебники для вузов и школ.

Что именно из произведений Достоевского и в каком классе изучали после реабилитации его творчества? Роман «Преступление и наказание» в

9-м классе (сейчас это 10-й класс). Конечно, учебная статья представляла собой, в первую очередь, краткий обзор творчества писателя с указанием проблематики таких произведений, как «Бедные Люди», «Униженные и оскорбленные», «Белые ночи», «Братья Карамазовы», а уже потом следовали история создания и анализ «Преступления и наказания».

Когда в 80-е годы начала воплощаться в жизнь идея создания альтернативных учебников, в один из них был включён рассказ «Мальчик у Христа на ёлке» (6-й класс), в другой – повесть «Мальчики», являющаяся десятой книгой четвертой части романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Сейчас у нас много альтернативных учебников и, соответственно, программ по литературе.

Программа по литературе по учебнику под редакцией В.Я. Коровиной предполагает текстуальное изучение уже названных нами романа «Преступление и наказание» (10-й класс), повести «Белые ночи» (9-й класс) и рассказа «Мальчик у Христа на ёлке» (6-й класс, внеклассное чтение).

В других программах (по Г.С. Меркину, по И.Н. Сухих, по А. Кутузову) список изучаемых произведений Достоевского расширен:

- в 1-й четверти ученики 6-го класса изучают повесть «Мальчики» (из «Братьев Карамазовых»);
- какими-то программами предусматривается изучение этой повести в 7-м классе;
- в 4-й четверти шестиклассники читают отрывки из романа «Бедные люди»;
- семиклассники в 3-й четверти изучают повесть «Белые ночи»;
- повесть «Двойник» – предмет изучения в 9-м классе (4-я четверть);

– ученики 10-го класса во втором полугодии учебного года традиционно изучают роман «Преступление и наказание», предварительно ознакомившись с общим обзором творчества Достоевского.

Таким образом, в лучшем случае наши школьники текстуально изучают такие произведения Достоевского: повесть «Мальчики»; повесть «Белые ночи»; повесть «Двойник»; роман «Преступление и наказание».

При этом из обзорной статьи учебника литературы за 10-й класс школьники знают, что у писателя есть романы: «Униженные и оскорблённые»; «Подросток»; «Игрок»; «Идиот»; «Бесы»; «Братья Карамазовы».

В худшем случае предполагается текстуальное изучение только двух произведений: рассказа «Мальчик у Христа на елке» и романа «Преступление и наказание». Романы «Идиот» и «Бесы» в школе никогда не изучались и сейчас не изучаются. Они слишком сложны для подростков.

3.2 Урок внеклассного чтения «Тема добра и милосердия по рассказу «Мальчик у Христа на елке»

Цель урока: продолжить работу по анализу прозаического произведения, познакомиться с жанровыми особенностями святочного рассказа, подчеркнуть высокий нравственный смысл жизни и поступков.

Задачи урока:

1) обучающие – познакомить обучающихся с жанровыми особенностями святочного рассказа; развивать умение наблюдать за художественным словом, делать свои выводы;

2) развивающие – формирование умения анализировать прозаическое произведение, формирование умения использовать полученные ранее знания в проблемной ситуации, развитие речи и творческих способностей, обучающихся;

3) воспитательные – понять сложности взаимоотношений между людьми, воспитание общечеловеческих ценностей; нравственное и

эстетическое воспитание обучающихся через приобщение к классической литературе, классической музыке.

Тип урока: урок изучения нового материала

Оборудование: доска, мел, проектор, презентация, хрестоматии.

Ход урока

Оргмомент: Здравствуйте, ребята. Садитесь.

Актуализация темы урока:

– Каждый человек любит праздники. Какие праздники для вас являются самыми любимыми?

– Не случайно многие из вас, ребята, назвали среди любимых праздников Новый год и Рождество. Действительно, эти праздники особенно любимы нами, а Рождество – это светлый праздник. Всегда в России эти праздники были очень любимы, как детьми, так и взрослыми. Детей, радовали, конечно, подарки, красавицы-ёлки, веселые зимние каникулы. Взрослых – семейные обеды, возможность встретиться с родственниками и друзьями, посещение которых тоже было традиционным для рождественских праздников.

Информационно-аналитический блок:

– вспомните, в ознаменование какого события отмечается Рождество? Зимней ночью, за два тысячелетия до нынешней Рождественской ночи, в окрестностях Вифлеема, в завоеванной римлянами стране, под сводами вертепа родился Спаситель. Люди ждали столетиями: вот он сойдет с небес – в силе и славе, в образе Царя, окруженный ратью Ангелов. Золотая, ясная «многокрылая» звезда взошла на небо в час Рождества, просияла над всем миром. От восхода звезды-вестницы, от Рождества Христова отсчитываем мы века.

Сообщение ученика: Правитель Иудеи, жестокий Ирод, узнал о приходе волхвов, ищущих в его стране новорожденного Царя Иудейского. Не властитель земли, а Спаситель мира родился в пещере возле Вифлеема. А Ирод услышал и понял в ликующей речи волхвов одно – единственное:

в Иудее родился Тот, кто отнимет у него, Правителя, власть над всей землей. Ирод послал ратников в Вифлеем, чтобы истребить всех мальчиков младше двух лет. И ратники Ирода выполнили его приказ. Той же ночью, через пустыню, бежало в Египет Святое Семейство. Самая тихая, самая светлая ночь в году – Рождественская. По старинному поверью, в эту ночь раскрываются небеса и сбываются желания чистых сердец.

Информационно-аналитический блок (продолжение):

– А как называются праздничные дни в честь Рождества Христова, которые длятся до самого Крещения? *(Святки)*

– Встречались ли вы с описанием празднования Рождества на страницах произведений русских писателей? Существовала старинная традиция: на Рождество или Святки читать и рассказывать святочные рассказы. Писатели специально сочиняли их. Действие в них происходит в Рождественский праздник, когда может случиться что-нибудь доброе, прекрасное, чудесное. В них реальность переплетается с фантастикой, достоверное с вымыслом, добрые духи, ангелы и святые меняют жизнь несчастных героев рассказа к лучшему, дарят надежду. Эти рассказы всегда завершаются счастливой развязкой.

Расцвет святочного рассказа наступает в XIX веке, и связано это с освоением западноевропейской традиции рождественского рассказа, который пришел в Россию вместе с творчеством Ч. Диккенса. В 1840-е годы были опубликованы его знаменитые рождественские повести «Рождественская песнь в прозе». Человеческая жизнь сложна и переменчива. Человек может быть счастлив, удачлив, может жить в семье, среди близких и любимых людей. Но порой он сталкивается с тяжелыми испытаниями и потерями, страдает и переживает невзгоды.

Русские писатели всегда обостренно чувствовали боль человека. Один из таких русских писателей-классиков, который глубоко любил человека, переживал за человека, пребывающего в несчастье или пороке, радовался за человека, несущего «в своей душе свет», верил в человека и

его великие духовные силы – это Ф. М. Достоевский. Ф. М. Достоевский перенес тяжелые жизненные испытания, прошел трудный путь от атеиста (неверующего) до глубоко религиозного православного человека.

Введение темы урока: Сегодня мы на уроке мы познакомимся с жанром рождественского рассказа; проследим, как система средств соответствует авторскому замыслу; подумаем, что означают вечные категории: вера, милосердие, сострадание.

Тема урока: «Тема добра и милосердия по рассказу «Мальчик у Христа на елке».

Цель: Познакомиться с рассказом Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на Елке», изучить особенности святочного рассказа.

Слово об авторе: Ф.М. Достоевский – взрослый писатель. Он автор больших и нелегких рассказов для чтения. Но в каждом его романе среди героев мы встречаем детей. Достоевский с болью в сердце писал о детских страданиях, о несчастьях бедных и униженных. Автор хотел разбудить совесть каждого человека, чтобы никогда он не забывал, что рядом с сытой и благополучной жизнью всегда есть другая. И в этой другой - голод, страдания, грубость, грязь унижения и оскорбления.

Анализ рассказа: Рассказ, который вы прочитали дома, написан Достоевским в 1876 году. Он относится к жанру святочных рассказов. Святки – это праздничные дни в честь Рождества Христова, длящиеся до Крещения. Действие святочных рассказов происходит как раз в эти дни. В Новый год всем хочется верить в добрые чудеса. Вот и в сюжете святочного рассказа всегда есть чудо, какая-то добрая неожиданность. И в конце концов даже самая безысходная ситуация изменяется к лучшему, а финал рассказа, как правило, хороший. Популярность рождественского рассказа, особенно среди детской аудитории, объясняется тем, как и в волшебной сказке, на страницах такого рассказа мы встречаемся с чудом.

– Запишем определение.

Рождественский рассказ – это жанр литературы, основу которого составляет обычно одно событие или происшествие, в основе всегда есть чудо, добрая неожиданность; финал - хороший.

– Вы, наверное, заметили, что автор с первых же строк предупреждает читателя о том, что «все это могло случиться действительно».

– А почему Достоевскому так важно, чтобы мы восприняли его рассказ не как рождественскую сказку, а как правдивое повествование о реально произошедших событиях? *(Автор считает так потому, что все описанное им мало правдоподобно)*

– Достоевскому важно дать читателям возможность поверить в то, о чем он написал.

– В рождественском рассказе наиболее традиционна и ожидаема стихия авторского вымысла, что определяется особенностями жанра, поэтому автор с первых же строк «отказывается» от вымысла.

Анализ композиции рассказа, ее изобразительно-выразительных средств:

– Обратимся к сюжету рассказа. Попробуем вместе выстроить последовательность событий, происходящих в рассказе.

1. Знакомство с мальчиком, героем рассказа.
2. Мальчик в городе.
3. Чудо за большим стеклом.
4. Смело отворил дверь и вошел.
5. Копеечка выкатилась и зазвенела.
6. Куколки в окне.
7. Обидели.
8. Чужой двор.
9. «Пойдем ко мне на елку, мальчик». Шепот тихого голоса.
10. «Христова ёлка».
11. Маленький трупик.

– Такая последовательность событий дает право говорить, что у рассказа «Мальчик у Христа на ёлке» обычная композиция, свойственная жанру рассказа. Попытаемся вспомнить и вычленить композиционные элементы.

– Что такое композиция? Что образует композицию данного рассказа? *(Композиция – это построение словесного произведения. Композиционные части рассказа – завязка, развитие действия, кульминация, и развязка.)*

– Итак, завязкой в данном рассказе служит эпизод... *(Знакомство с героем рассказа)*

– Развитие действия... *(Мальчик в городе. Картины, которые он там увидел.)*

– Самым ярким эпизодом в рассказе является эпизод... *(Когда тихий голос приглашает мальчика на елку, и герой оказывается на Христовой елке).*

– Это кульминация рассказа. А развязка? *(Мальчик умирает.)*

– Композиция обуславливает настроение рассказа *(печальное, мрачное, угнетенное, но светлое, радостное, лучезарное)*, его «эмоциональное движение».

– Обратимся к началу рассказа и найдем описание главного героя... *(«...был в подвале мальчик, но ещё очень маленький, лет шести или даже менее... Одет он был в какой-то халатик и дрожал»).*

– Достоевский очень коротко говорит о внешности главного мальчика, но подмечает то, что наиболее характерно: это и «маленький» рост, и возраст – «лет семь», и одежда – «какой-то халатик», а главное, что это «безликое существо» «хотело кушать». Когда мы впервые видим человека, то обращаем внимание на его внешний вид. По внешности человека делаем первые выводы о его характере.

– Что вы можете сказать по внешнему виду мальчика о его характере? *(Этот мальчик имеет довольно хороший характер; он спокоен, несуетлив, нетребователен. Можно сказать, решителен).*

– Чтобы читатель мог почувствовать состояние героя, его переживания, автор часто использует пейзаж, или фон, на котором разворачиваются события.

Найдем описание места, где живет герой. *(«...в подвале...в сыром и холодном подвале...нары... тонкая, как блин, подстилка... узел под головой...темнота, огня не зажигали... очень холодно»).*

– Какое чувство вызывают картины этого ужасного подвала? *(Чувство брезгливости, безысходности, тупика.).*

– Кто еще находится в это время в подвале?

– Почему мама не сможет помочь мальчику?

– Куда отправился мальчик?

– В рассказе Достоевский описывает не только подвал, где живет герой, но и город, улицу, шикарную залу за большим стеклом, мимо которой проходит мальчик. Описания эти разные. Город нарисован так... *(«Какой здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз...Все так толкаются...»).*

– А прекрасная зала за большим стеклом... *(«Комната, а в комнате дерево до потолка; это елка, а на ёлке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблок, а кругом... куколки, маленькие лошадки; по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то»).*

– Как вы думаете, почему автор сопоставляет в рассказе эти картины, убогие, серые и празднично нарядные? *(Для того, чтобы показать настроение героя, его отчаяние.)*

– Запишем в тетрадь определения, что такое «портрет» и «пейзаж».

Портрет – изображение в произведении внешности персонажа; служит для характеристики героя. Пейзаж – изображение в

художественной литературе картин живой и мертвой природы; создает определенное, нужное автору настроение.

– Кроме портрета и пейзажа автор использует и другие приемы, помогающие понять героя. Например, художественная деталь.

Художественная деталь – изображенная или выразительная подробность художественного произведения; служит для выделения характерных черт героя. *(Определение записывается в тетрадь)*

– вспомните, во что был одет мальчик? *(в халатик.)*

– Именно. Слово употреблено с уменьшительно-ласкательным суффиксом. И мы чувствуем, что автор жалеет ребенка, жалеет оттого, что ему холодно. Далее, когда мальчик подкрался и отворил дверь в богатый дом, ему одна барышня сунула в руку «копеечку». А «копеечка выкатилась и зазвенела».

– Почему Достоевский акцентирует внимание на этой детали? *(Достоевский обращает внимание на это потому, чтобы показать, что у мальчика замерзли руки и он не мог сжать пальцы. Или эта копеечка ему была не нужна.)*

– Что чувствовал мальчик, когда заглядывал за большое стекло? *(Чувства восхищения и радости были в груди мальчика. Он любовался «деревом до потолка», т.е. елкой; его восхищали огни, золотые бумажки и яблоки. Сквозь стекло он даже слышал музыку. Он позабыл, что голоден, что раздет, что он – изгой.)*

– Но «пальчики на ножках уже болят», а «на ручках стали совсем красные, не сгибаются, ими больно пошевелить».

– Какие глаголы употребляет автор для дальнейшего описания поведения героя? *(«Вспомнил, заплакал, побежал».)*

– Он убегал, как мне кажется. Не от боли физической, а от боли душевной, боли, которая пронзает сердце и душу мальчика, когда он увидел совсем иную картину жизни.

– Попробуйте описать «запах бедности» и «запах сытости», используя фрагменты рассказа. (*«Запах бедности»: душный сырой подвал, белый пар изо рта, пьяный смрад, духота, неуютность. «Запах сытости»: аромат ели, яблок, французских духов.*)

– Эти «запахи» дают не только узнать, но и почувствовать атмосферу среды обитания мальчика.

Обратимся к главному эпизоду рассказа «Мальчик у Христа на ёлке».

– Что удивляет героя, что ему кажется неправдоподобным? Чей голос услышал мальчик во сне? (*Мальчик услышал тихий голос. Он подумал, что его зовет мама. Но нет... Он не видит, кто его позвал, ощущает только, что кто-то нагнулся над ним и обнял его в темноте. И вдруг он увидел свет, увидел ёлку. Все вокруг него блестит и сверкает. Вокруг него кружатся, летают мальчики и девочки, он видит маму. Мальчик удивляется, что это; ему дети отвечают: «Это Христова ёлка». Он также узнает, что девочки и мальчики были такие же, как он, что у них такая же трудная жизнь, как у него. Но здесь они - ангелы, и сам Христос благословляет их и их матерей. Ему здесь хорошо...*)

– Куда попал мальчик? Почему мальчику стало тепло?

– Кого увидел мальчик на елке у Христа? (*детей и плачущих мам*)

– Почему плакали матери? (*они не смогли спасти своих детей от голода и бедности*)

– Можно ли применить слово «Милосердие» к этому эпизоду? (*дети проявили милосердие к своим несчастным матерям, простили их*)

– Почему дети простили своих матерей? (*потому что они поняли, что матери их бросили не по злобе, порочности характера, а из-за жестокости и невыносимой самой жизни, быта*)

– А давайте подумаем, сбылось ли в рассказе чудо Рождества? (*Чудо произошло: мальчик обрёл счастье, успокоение. Он встретился с мамой, попал в атмосферу любви и праздника. Но чудо это страшное, так как*

мальчик и другие дети, которых он встретил на Христовой ёлке, прежде чем попасть сюда претерпели страшные мучения на земле.)

Мы провели с вами, ребята, так называемый сюжетно-композиционный анализ. Он необходим для понимания авторского замысла рассказа.

Подведение итогов:

– Как вы думаете, для чего, с какой целью, Федор Михайлович Достоевский написал этот рождественский рассказ для детей? *(Чтобы показать, как несправедливо устроена наша жизнь - есть в ней бедные, нищие, а есть - богатые. Он хотел показать страдания ребенка; показал, как трудно жить на свете, когда голодаешь и мерзнешь.)*

– Для Достоевского было важно: если страдает и плачет ребенок, значит, что-то не так в этом мире, значит, несправедливо, неправильно устроена наша жизнь. А ведь так важно, чтобы каждый человек вспоминал свое детство с любовью и радостью. Тогда он и сам будет справедливее, добрее, милосерднее.

– В начале урока я вам сказала, что у святочных рассказов хороший конец, а ведь мальчик умер. Финал рассказа никак не назовешь счастливым.

– А вы как считаете? Найдите ответ на мой вопрос в тексте. *(«Мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно, т.е. то, что происходило в подвале, за дровами, а там у Христа-то уже и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться или нет».)*

– Это Достоевский предлагает читателю решить, счастливый ли здесь финал или нет, если веришь в елку у Христа – то счастливый, если нет – другое дело. Веришь или нет – вот что главное.

– Чем заканчивается рассказ? Прочитайте. *(«А на утро дворники...»)*

– А почему умер мальчик? *(никто не помог, не проявил милосердия)*

– Милосердие... Что означает это понятие? К кому их героев рассказа можно отнести это качество? *Милосердие – это делать что-то хорошее другому человеку, помогать ему. И это с полным правом можно отнести*

к герою рассказа - Христу («тихому голосу»). Милосердие – готовность помочь кому-нибудь из сострадания, человеколюбия. Сострадать – жалеть, сочувствовать.

– Как вы помните, рассказ был написан в 1876 г. А мы с вами обратимся к современности и попробуем выяснить, актуален ли рассказ в наши дни?

В наше время, когда более 2 миллионов детей находится на вокзалах, в подвалах, просто на улице, голодных, больных, измождённых, идея рассказа остаётся актуальной. «Будьте милосердны и сострадательны», – говорит нам Ф.М. Достоевский. «Счастье всего мира не стоит одной слезы на щеке невинного ребёнка».

Домашнее задание:

– «И зачем же я сочинил такую историю?» – спрашивает себя и нас, читателей, Ф.М. Достоевский, завершая рассказ.

– Как бы вы ответили на этот вопрос? Это и будет вашим домашним заданием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Издание «Дневника писателя» надеюсь возобновить в будущем 1881 году, если изволит здоровье» [23; с. 129], – приписал в примечаниях к августовскому выпуску «Дневника». Здоровье не позволило выполнить обещание: январский выпуск вышел в свет после смерти писателя, скончавшегося 28 января 1881 года.

Для всей читающей и мыслящей России выпуски «Дневника» были не просто очередным сочинением писателя Ф.М. Достоевского, но и тем очагом идей, которые помогали народу формировать свои собственные взгляды, давали возможность понять и оценить происходящее в стране и мире. Не претендуя на всеохватность воспроизведения действительности, Достоевский тем не менее дал в «Дневнике» философское изображение сторон русской жизни, изобразив судьбы людей и реальных процессов, определяющих их судьбы.

И тем не менее «Дневник писателя» остается яркой страницей в истории формирования русской общественной мысли.

Важно подчеркнуть, что суждения Ф.М. Достоевского были не просто высказываниями «эмпирического человека» как об этом пишет Б. Бурсов, а размышлениями художника, мыслителя, пастыря (эти грани своего творчества писатель безусловно остро чувствовал), несущего ответственность за каждое высказанное слово и не боявшегося полемики в связи с высказанным.

«Дневник писателя» представляет собой систему впечатлений, сохранившую отношение Ф.М. Достоевского к фактам, процессам и людям, с которыми сталкивался художник и публицист на протяжении всей своей жизни. Несмотря на то, что пространство «Дневника» ограничено хронологическими рамками, писатель расширяет границы своих размышлений и впечатлений, делая предметом исследования узловые моменты российской действительности 70-х годов, способствовавшие

формированию личности. В качестве центральной представительной фигуры повествования выступает сам Федор Михайлович Достоевский. В этом смысле «Дневник писателя» уникален, поскольку соединяет исследовательскую объективность публициста с образным воссозданием характера героя-повествователя. Поэтому, видимо, можно скорректировать тезис Г. Гачева об экстравертности «Дневника» – он в такой же степени экстравертен, как и интровертен.

«Дневник писателя» – это диалог Ф.М. Достоевского с Россией, с народом ее, с самим собой, с русским прошлым и настоящим. А также – с мировой культурой, шире – с Западом – по всем аспектам современности, которые беспокоили художника. Важно подчеркнуть, что этот диалог постоянно подпитывался актуальными проблемами дня.

Факт – повод для попытки решения животрепещущих проблем. И все это – в живом разговоре с аудиторией, мгновенный отклик на ее возражения, недоумения, подсказки.

Нельзя не обратить внимание на усиливающееся на страницах «Дневника» трагическое мироощущение писателя. Великие романы Достоевского второй половины 60-х - 70-х годов пронизаны этим мироощущением. В них движение героев от жизни к смерти. Ощущение надвигающейся на страну катастрофы присуще и «Дневнику писателя». Именно поэтому нарастает в выпусках «Дневника» активное проповедническое начало: писателю хочется уже не достучаться до сердец своих современников, а докричаться до них. Именно поэтому из выпусков 1877 года почти исчезает неторопливая беллетризация фактов, а выступления писателя носят все более очевидный социологический характер. «Я» как повествовательная маска уступает место «я-биографическому». Точка зрения автора становится более жесткой и демонстративной. Усиливается дидактическое начало в диалоге с аудиторией.

Эволюция повременного издания – явление закономерное: в процессе общения издателей с аудиторией авторская гипотеза, превращаясь в концепцию, освобождается от случайного, второстепенного, необязательного. Единство авторской позиции в оценке происходящего позволяет Ф.М. Достоевскому превратить отдельные выпуски в единое целое.

Достижения Ф.М. Достоевского-мыслителя и публициста здесь очевидны:

1. «Дневник писателя» способствовал устойчивому формированию аудитории, разделявшей интерес Ф.М. Достоевского к приоритетности духовного развития личности над сугубо материальными интересами.

2. «Дневник писателя» стал для Ф.М. Достоевского своеобразной формой «хождения в народ»: он расширял для художника возможности диалога с аудиторией по самым острым проблемам современной жизни России.

3. «Дневник писателя» был трибуной, с помощью которой стало возможно публичное распространение идей, отличающихся целостностью («Взял, да и высказал последнее слово моих убеждений - мечтаний насчет роли и назначения России среди человечества») [23; с. 102]. Но следует признать, что по своим типологическим признакам «Дневник» журналом не являлся. Это публицистический цикл, вобравший в себя самые разнообразные жанры: публицистические статьи, очерки, фельетоны, анекдоты, рассказы, мемуары, ораторские выступления.

4. «Дневник писателя» предлагал читателю прийти к самостоятельному размышлению по поводу тех событий и фактов, которые Достоевский комментировал в «Дневнике». «Дневник» формировал думающего читателя.

5. Ф.М. Достоевский в «Дневнике» оставался свободным мыслителем, обращая внимание на парадоксальные процессы, протекающие в Отечестве.

6. Тематическое и жанровое разнообразие «Дневника писателя» не отменяет существенной его особенности: издание принадлежит одному субъекту высказывания. Это одновременно и исповедальный, и проповеднический текст, принадлежащий глубокому аналитику происходящего.

7. В центре внимания Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» оказывается повседневный человек. Если в романах Достоевского в центре внимания оказывается жизнь страстей человеческих, то в «Дневнике» на первый план выходит повседневность, жизнь в многообразии ее проявлений.

8. Проблемы, которые затрагивает писатель в «Дневнике» имели важное значение как для самого Достоевского, так и для народа. Стоит отметить, что эти вопросы поднимались ранее им в других произведениях.

Человеку, по мысли писателя, уготована высокая миссия, но, чтобы свершить ее, от него требуется максимальное внутреннее напряжение и это главное, каждодневное, непрерывное движение к постижению Бога. Ибо постижение смысла жизни, постижение истины во Христе.

«Дневник писателя» – страстный призыв к самосовершенствованию человека, призыв к осознанию им своей исторической роли в изучении совершенной цивилизации. Достоевский, полемизируя с Чернышевским, обещающим человеку Хрустальный дворец безмятежного счастья, зовет человечество к неустанному труду. И прежде всего – к напряженному труду души. Этому посвящен «Дневник писателя» - одно из лучших творений Федора Михайловича Достоевского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артамонова Л. А. «Дневник писателя» Достоевского и «периферийные» жанры русской литературы / Л. А. Артамонова // Вестник СамГУ. – 2012. – №8/1. – С. 153–156.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1972. – 720 с. – ISBN: 978-5-699-95749-1.
3. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – Москва : Эксмо, 1990. – 430 с. – ISBN: 5-699-19687-6.
4. Борисова В. В. Христианская диалогия Ф. М. Достоевского / В. В. Борисова // Словесность: прил. к Вестн. Башкир. гос. пед. Ун-та. [Сер. гуманитарных наук]. – 2001. – №1. – 312 с.
5. Бурсов Б. И. Личность Достоевского. Роман-исследование / Б. И. Бурсов. – Ленинград: Сов. писатель, 1979. – 680 с.
6. Василик В. Освещение некоторых аспектов национального вопроса в «Дневнике писателя» Федора Михайловича Достоевского / Василик В. // Сретенский сборник. – 2012. – №3. – С. 350–361.
7. Волгин И. Л. «Дневник писателя»: текст и контекст / И. Л. Волгин // Достоевский Ф.М. Материалы и исследования. – Ленинград : Наука, 1978. – С. 151–159.
8. Волгин И. Л. Достоевский-журналист / И.Л. Волгин. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 76 с.
9. Волгин И. Л. Редакционный архив «Дневника писателя» (1876-1877) / И.Л. Волгин // Русская литература. – 1974. – № 1. – 152 с.
10. Волкова Е. А., Фролова Е. В. Освещение основных проблем российской истории в публицистических сочинениях Ф. М. Достоевского на примере «Дневника писателя» / Е. А. Волкова, Е. В. Фролова // Исторические науки. – № 98. – С. 23–30.

11. Гаспаров М. Л. Овидий в изгнании / М. Л. Гаспаров // Избранные статьи. – Москва : Нов. Лит. Обозрение, 1995. – 453 с. – ISBN: 5-86793-003-3.
12. Герасимов Б. Ф. Достоевский в Семипалатинске / Б. Ф. Герасимов // Сибирские огни. – 1926 – № 3. – С. 17.
13. Герцен А. И. Сборник сочинений в 30 т. Т. 6. С того берега. / А. И. Герцен // Собр. соч. в 30 т. Т. 6. – Москва : 1955. – 495 с.
14. Гачев Г. Д. Исповедь, проповедь, газета и роман. (О жанре «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского) / Г. Д. Гачев // Достоевский и мировая культура. – Санкт-Петербург, 1993. – № 1. – С. 7–13.
15. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников / В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина [и др.] ; Серия литературных мемуаров. – Москва : Художественная литература, 1990. – 212 с. – ISBN 5-87452-045-7.
16. Громова Н. А. Достоевский: Документы, дневники, письма, мемуары, отзывы литературных критиков и философов / Н. А. Громова. – Москва : Аграф, 2000. – 240 с. – ISBN: 5-7784-0132-9.
17. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах / Л.П. Гроссман. – Москва – Ленинград : Academia, 1935. – 382 с. – ISBN:antiq195781780.
18. Гроссман Л. П. Достоевский / Л. П. Гроссман. – Москва : Молодая гвардия. – 1965. – 479 с.
19. Девдариани Н. В. К вопросу о жанровом своеобразии «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского / Н. В. Девдариани // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – №3(28). – С. 271–273.
20. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Письма. / Под ред. А.С. Долинина. – Москва : Литера, 1928–1959, с. 428.

21. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9. Дневник писателя. / Ф. М. Достоевский. – Москва : ООО «Издательство Астрель», 2004. – 603 с. – ISBN: 5-17-015076-8.
22. Достоевский Ф. М. Записные книжки. – Москва : Вагриус, 2000. – 240 с. – ISBN: 5-264-00316-5.
23. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. В 14 т. Т 1. Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1904. – 300 с. – 978-00-1181922-0.
24. Дьяконов А. И. Типы высшей Богословской школы в Древней Церкви III–VI вв. / А. И. Дьяконов // Ученые записки. – 1920.
25. Захарова Т. В. «Дневник писателя» как оригинальное жанровое явление и идейно – художественная целостность / Т. В. Захарова // Творчество Достоевского. Искусство синтеза. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – С. 251.
26. Исторический вестник. – Санкт–Петербург, 1903. – № 1. – 91 с.
27. Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун XX века / Ю. Ф. Карякин. – Москва : Сов. писатель, 1989. – 656 с.
28. Каграманов Ю. Империя и ойкумена / Ю. Каграманов // Новый мир, 1995, – № 1. – С. 27–46.
29. Кирпотин В. Я. Достоевский – художник. Этюды и исследования / В.Я. Кирпотин. – Москва : Сов. писатель, 1972. – 320 с.
30. Козлова Н. Н. Вестники Европы / Н. Н. Козлова // Из века в век: Из истории русской журналистики 1702 – 2002. – Москва, 2002. – С. 40–78.
31. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста. – Санкт-Петербург, 2000. – 126 с.
32. Кудаева Л. В. Проблема трудного детства в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского / Л. В. Кудаева // Интеграция образования. – №1. – 2001, С.114–115.

33. Пушкин в русской критике / сост. С. Я. Левит. – Москва : ЦГИ Принт, 2014. – 890 с. : ил. – ISBN: 978-5-98712-161-2.
34. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / К.В. Мочульский. Москва : Республика, 1995. – 607 с. – ISBN 745-3641-451.
35. Осташевский А. В. Тема русской культуры на страницах «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского / А. В. Осташевский // Кубанский гос-ый ун-т. – С. 121–123.
36. Переверзев В. Ф. Гоголь. Достоевский. Исследования / В.Ф.Переверзев. – Москва : Сов. писатель, 1982. – 512 с.
37. Переверзев В. Ф. У истоков русского реализма / В. Ф. Переверзев. – Москва, 1989. – 629 с.
38. Померанц Г. С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским / Г. С. Померанц. – Москва : Советский писатель, 1988. – 180 с.
39. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов /Е. П. Прохоров. – Москва : Аспект Пресс, 2011. – 219 с.
40. Рейнгольд А. С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2010 (11). – С.118–129.
41. Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского / Л.М. Розенблюм. – Москва : Наука, 1981. – 117 с.
42. Савицкий П. Н. Евразийство. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн / П. Н. Савицкий. – Москва, 1993. – 102 с.
43. Селезнев Ю. И. Достоевский / Ю. И. Селезнев. – 3-е изд. – Москва : Молодая гвардия, 1990. – 541 с.
44. Краткая еврейская энциклопедия. В 11 т. Т. 2. Г-З : статья «Достоевский» / ред. Э. Сливкина. – Москва: Иерусалим, 1982. – 136 с.
45. Смирнов В. Б. Ф.М. Достоевский и русская демократическая журналистика 70-80-х годов / В. Б. Смирнов. – Волгоград, Изд-во Волгоградского ун-та, 1996. – 134 с.

46. Старыгина Н. Н. Детский святочный рассказ // Открытый урок по литературе (Планы, конспекты, материалы). Пособие для учителей / Редакторы-составители: Карпов И. П., Старыгина Н. Н. – Москва: Московский лицей, 1992. – 20 с.
47. Сычева Е. О. Художественное своеобразие эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского / Е. О. Сычева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – №2. – С. 196–205.
48. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 334 с. – ISBN 745-3641-451.
49. Туниманов В. А. Творчество Достоевского / В. А. Туниманов – Ленинград : Наука, 1980. – 195 с.
50. Ученова В. В. Метод и жанр: диалектика взаимодействия (методы журналистского творчества) / В. В. Ученова. – Москва, 1984. – 89 с.
51. Федотов Г. Н. Певец империи и свободы. Пушкин в русское философской критике / Г. Н. Федотов, Москва, 1984 – 361 с.
52. Фокин П. Е. Учителю, научися сам! (Ф. М. Достоевский – литературный критик. «Дневник писателя» 1876-1877) / П. Е. Фокин // Достоевский и мировая литература. – Москва: Классика плюс, 1996. – № 7. – 21 с.
53. Фридендер Г. М. Примечания / Г. М. Фридендер // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 22. Дневники. – Ленинград: Наука, 1981. – 279 с.
54. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва : Высшая школа, 1999. – 319 с. – ISBN 745-3641-451.
55. Щурова В. В. «Дневник писателя» Достоевского как единое целое / В.В. Щурова // Журналистика, реклама и СО : новые подходы: тез. науч.– практ. конф. – Воронеж, 2002. – С. 98–99.